Пространство памяти

№3/2017

Историко-культурный вестник Северо-Запада

ТЕМА НОМЕРА

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ленинградская область в 2017 году отмечает 90-летие со дня своего образования, и потому представляется вполне логичным и обоснованным посвятить новый выпуск журнала этому региону, выделить именно его среди всех 11 регионов Северо-Запада.

Близость к Санкт-Петербургу – географическое соседство, трудовое и экономическое взаимодействие, транспортная инфраструктура и так далее – безусловно, сказывается на восприятии Ленинградской области как самостоятельного центра притяжения различных интересов, от познавательно-туристических до инвестиционных и миграционных. Отсюда вовсе не следует, разумеется, что области следует подчеркнуто дистанцироваться от территориальной доминанты, которой выступает Петербург, однако позиционирование и продвижение собственной самостоятельности региона видится все-таки необходимыми.

Если сосредоточиться исключительно на историко-культурных, туристических и природных ресурсах, можно смело утверждать, что по их количеству, взятому в совокупности, Ленинградская область занимает лидирующее положение среди всех регионов Северо-Запада. От Выборга до Тихвина, от Приозерска до Луги и от Подпорожья до Ивангорода территория области изобилует разнообразными памятниками, достопримечательностями и локациями, которые заслуживают самого пристального внимания – но по сей день, в силу различных причин, оказываются этим вниманием обделены.

Конечно, на карте Ленинградской области имеются точки, известные – хотя бы на слух, допустим, – внутреннему потребителю туристического продукта (Старая Ладога, Ивангород, Выборг), но таких точек должно быть гораздо больше, поскольку многие другие населенные пункты и локации области также обладают изрядным туристическим потенциалом, и задача состоит в том, чтобы «подать» их упомянутому потребителю, сделать их не менее широко известными – и тем самым стимулировать рост туристического потока, причем не только внутреннего, но и внешнего, в эти населенные пункты.

Определенные шаги в этом направлении делаются – так, на федеральных и региональных автомобильных трассах области появились информационные щиты с указанием поворотов к достопримечательностям, а в районных туристско-информационных центрах можно получить карту области с подробным перечислением объектов интереса. Впрочем, это явно лишь начало долгого пути: очень многие из этих объектов не располагают инфраструктурой для приема большого числа туристов и при возрастании турпотока столкнутся – некоторые уже сталкиваются – с серьезными трудностями.

Прежде всего это касается гостиничного сектора и сектора

общепита, да и транспортная связность с Петербургом, который в ближайшей перспективе очевидно будет оставаться «базовой» отправной точкой для маршрутов по Ленинградской области, в ряде случаев оставляет желать лучшего.

Кроме того, как показали недавние выезды сотрудников редакции журнала на историко-культурные и природные объекты в различных регионах Ленинградской области, целый ряд точек потенциального туристического интереса подчас не подготовлен к работе даже с существующим туристическим потоком, не говоря уже о том, чтобы справиться с возрастанием последнего. Не подготовлен, если можно так выразиться, содержательно, не в состоянии предложить посетителю нечто такое, что побудило бы его к позитивному отклику, не могут – или не хотят – работать в нынешних условиях нарастания конкуренции за потребителя, который, приезжая, желает оправдать факт приезда хотя бы перед самим собой.

В результате, если обобщить, страдает туристическая привлекательность региона в целом, что чревато как репутационными, так и экономическими потерями.

Разумеется, общая картина на территории Ленинградской области далеко не столь печальна, как может показаться из предыдущих замечаний, но, если мы говорим о позитивном образе региона, о развитии этого образа, в том числе ради стимулирования экономики и повышения качества жизни населения, ситуация, как представляется, заслуживает самого пристального внимания со стороны региональной администрации.

Ленинградская область обладает богатейшим историко-культурным и природным потенциалом, и необходимо добиваться того, чтобы этот потенциал реализовывался и приносил полноценную отдачу.

Приглашаем к сотрудничеству!
Электронный адрес редакции:
mag@patriacenter.ru.

Все номера журнала доступны для скачивания на официальных страницах в социальных сетях:
https://vk.com/ppseverozapad
https://www.facebook.com/ppmagsz/

ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ВЕСТНИК СЕВЕРО-ЗАПАДА

№ 3 / 2017

Издатель: АНО ИКЦ «ПАТРИЯ»
190020, СПб., наб. Обводного канала, 150
E-mail: mag@patriacenter.ru

Фотографии предоставлены авторами материалов

© Составление, АНО ИКЦ «Патрия», 2017
© Текст, фото, авторы, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СООБЩЕСТВО

ТАТЬЯНА БАРАХОВА. «ВРЕМЯ ВАЖНЫХ ДЕЛ ПРОДОЛЖАЕТСЯ» 5

ТЕРРИТОРИЯ СЕВЕРО-ЗАПАД

ИВАН БЕНЦА. МЕДИЙНЫЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРО-ЗАПАДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 15

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

БАИР ИРИНЧЕЕВ. «У КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ ВСЕ ОБЫЧНО ЛЕЖИТ НА ЧЕРДАКЕ, А МЫ ХОТИМ ПОКАЗАТЬ ИСТОРИЮ ЛЮДЯМ» 20

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ

ЕВГЕНИЙ ГАЛУШИН. «РЕКОНСТРУКЦИЯ – СЛИШКОМ МНОГОЗНАЧНЫЙ ТЕРМИН» 32

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ

ОЛЬГА ГОЛУБЕВА. ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА – ЧТОБЫ ТУРИСТ ЗАХОТЕЛ ПРИЕХАТЬ 44

КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА

ДМИТРИЙ ПРОКОФЬЕВ. «ОКНО» В ЕВРОПУ И «ВОРОТА» В НЕБО. КАК ИСТОРИЯ УКАЗЫВАЕТ ПУТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 52

СВОИМИ СЛОВАМИ

АРВИЙ КОРККА. ИНГЕРМАНЛАНДСКИЕ ФИННЫ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ 56

ТАТЬЯНА БАРАХОВА (РЕСПУБЛИКА КОМИ)

«Время важных дел продолжается»

Татьяна Тихоновна Барахова – руководитель филиала ГРДНТ имени В.Д. Поленова «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации».

В 2007 году в перечне этнокультурных центров России появилось учреждение с необычным статусом – филиал Государственного Российского Дома народного творчества имени В.Д. Поленова – Финно-угорский культурный центр Российской Федерации. У главного в нашей стране Дома народного творчества, имеющего вековую историю, это первое структурное подразделение, к тому же находящееся не в столице, а в одном из регионов России – Республике Коми. Центр был создан по поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина.

В 2017 году Финно-угорский культурный центр России отмечает свой первый юбилей и подводит итоги 10-летней деятельности.

Татьяна Тихоновна, наверняка за десять лет у вашего учреждения сформировалось солидное портфолио. Расскажите о наиболее значимых, на Ваш взгляд, проектах.

Безусловно, за десять лет мы реализовали весомое количество фестивальных, выставочных, культурно-просветительских, издательских и информационных проектов, благодаря которым возрождаются и развиваются самобытная культура и традиции уральских народов. Остановимся на некоторых из проектов.

Под знаком финно-угорского бренда качества уже девять лет проводится Фестиваль искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит». Он задуман как цикл концертов в различных регионах России, завершающийся на следующий год гала-концертом.

Выступление участников Международного фестиваля искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: семейные традиции» (октябрь 2016 г., Республика Башкортостан)

Каждый такой двухгодичный транзитный сезон посвящен той или иной теме. На первом фестивале звучала аутентичная музыка финно-угорских и самодийских народов, на втором была представлена эстрадная интерпретация музыкального наследия предков, далее фестивальный цикл демонстрировал исполнительское мастерство юных артистов. Какой бы ни была тематика фестивального сезона, неизменно в основе исполняемых произведений – музыкальное наследие народов России и звучание композиций на родных языках.

Темой проекта в 2016 году стало семейное творчество. Транзитные концерты проходили в течение октября в Республике Мордовия, Республике Башкортостан, Республике Марий Эл и Удмуртской Республике. Завершится очередной фестивальный цикл гала-концертом 20 сентября этого года. Его участниками станут семейные творческие коллективы из Республики Карелия, Республики Коми, Республики Марий Эл, Республики Мордовия,

Гала-концерт Международного фестиваля искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: праздник детства» (сентябрь 2015 г., Республика Карелия)

Республики Башкортостан, Удмуртской Республики, Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ленинградской области и Эстонии. И мне очень приятно объявить, что артисты впервые соберутся не в одном из финно-угорских регионов, а на Черноморском побережье – в Лазаревском районе всеми любимого города Сочи.

А Сочи готов встретить такой этнический фестиваль?

Инфраструктура и организационная политика этого города на таком высоком уровне, что у нас нет сомнений в верности выбора. Мы очень серьезно подходим к планированию любого нашего мероприятия, тем более такого значимого, как гала-концерт, и уже провели ряд деловых переговоров в Администрации города и отделе культуры Администрации Лазаревского района Сочи. Мы отсмотрели залы для

проведения гала-концерта, места проживания и питания для участников, изучили варианты культурно-экскурсионной программы для артистов. И – определились. Основной площадкой гала-концерта станет одно из ведущих учреждений Краснодарского края – Лазаревский районный центр национальных культур им. Крикора Сааковича Мазлумяна. И это неслучайно: на базе Центра регулярно проводятся всероссийские и международные семинары, конференции, форумы и творческие лаборатории. Поэтому уверены, что и наш гала-концерт пройдет на высоком организационном уровне и что участники и зрители останутся довольны.

Очевидно, что фестиваль «Финно-угорский транзит» – кочующий, не имеющий определенной локации. Есть ли такие фестивальные проекты, которые базируются только в одном регионе?

Один из таких наших долгосрочных проектов – Всероссийский фестиваль художественного творчества финно-угорских и самодийских народов.

Участники Дней культур финно-угорских народов в Венгрии (март 2017 г., Венгрия)

Он проходит раз в два года исключительно в Санкт-Петербурге и Ленинградской области – это территории, где проживают четыре финно-угорских народа: водь, ижора, ингерманландские финны и вепсы. Ныне эти народы имеют статус малочисленных.

Так, вожан по Всероссийской переписи населения 2010 года насчитывается всего 64 человека! Это самый малочисленный из финно-угорских и самодийских народов России.

Шествие участников IV Всероссийского фестиваля художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов (август 2016 г., Санкт-Петербург)

Поэтому именно в Ленинградской области мы и решили прописать фестиваль, который собирает творческие коллективы малочисленных финно-угорских и самодийских народов, позволяя им обменяться опытом, поделиться мастерством и продемонстрировать широкому зрителю то, что веками сохраняли и передавали из поколения в поколение их предки.

А в родной Республике Коми фестивали проходят?

Наша республика не раз принимала «Финно-угорский транзит» – и гала-концерт, и отдельные фестивальные концерты. Но один наш этнокультурный проект был создан специально для проведения в Коми – это фестиваль «Эпосы и мифы леса». Два года подряд в День России на главной площади Сыктывкара артисты из регионов страны представляли древние обряды финно-угорских и самодийских народов. В прошлом году артисты показали сыктывкарцам, как бесермяне ощипывают гусей, марийцы чествуют домашнюю птицу, как звучит хантыйский

тумран и кто написал «Священную книгу» удмуртов.

Кроме организации и проведения собственных фестивальных проектов, мы оказываем поддержку и участвуем в мероприятиях партнеров. В обширном перечне таких проектов – Международный фестиваль народа сето «Сетомаа. Семейные встречи» в Псковской области, Межрегиональный фестиваль финно-угорских народов «Воршуд» в Удмуртской Республике, Республиканский фестиваль современной коми песни «Василей» в Республике Коми, Межрегиональный фестиваль-конкурс творчества финно-угорских народов «Живущие по Солнцу» в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Праздник «Заполярная финноугория» в Ненецком автономном округе,

Выступление на VII Всемирном конгрессе финно-угорских народов (июнь 2016 г., Финляндия)

открытый межрегиональный фестиваль-конкурс исполнителей национальной эстрадной песни финно-угорских народов «Ший памаш» в Республике Марий Эл и многие другие.

Вы перечислили проекты, проходящие в России. А за границей вы проводите мероприятия?

Да, отдельное место в повестке нашей деятельности занимает сотрудничество с партнерами из Венгрии, Финляндии, Эстонии и Латвии. Совместных проектов много, подробнее остановлюсь на нашем взаимодействии с коллегами в Венгрии.

Визит делегации венгерского парламента во главе с Председателем Комитета по иностранным делам Государственного Собрания Венгрии Ж. Неметом в Финно-угорский культурный центр РФ, (май 2017 г., Республика Коми)

Уже стало доброй традицией совместно с нашим партнером – Российским центром науки и культуры в Будапеште – ежегодно проводить Дни культур финно-угорских народов. Это творческая этнокультурная программа с концертными выступлениями, выставками декоративно-прикладного творчества, фотоэкспозициями, кинопоказами и другими мероприятиями.

Каждый раз мы приезжаем в Будапешт с абсолютно новой программой и участниками – артистами, в репертуаре которых представлены композиции на языках финно-угорских и самодийских народов России. Участники не только дают концертные выступления, но и проводят мастер-классы и увлекательные занятия для учащихся. К примеру, на последних Днях культур артисты из Ямала и Марий Эл знакомили школьников с традиционными музыкальными инструментами своих народов, учили исполнять на них мелодии. Особый интерес у юных венгров вызвал варган, и самые активные ученики, быстро научившиеся играть на варгане, стали обладателями этого музыкального инструмента.

Впереди – немало совместных проектов с венгерскими коллегами. С Венгерским Культурным, научным и информационным центром в Москве обсуждается вопрос о возможности участия творческой группы из Венгрии в Международном фестивале «Финно-

угорский транзит». Ведутся переговоры с Будапештским русским центром об участии венгерской делегации в этнофестивале «Душа тундры» в сентябре в Ямало-Ненецком автономном округе.

Мастер-класс по игре на варгане в рамках Дней культур финно-угорских народов в Венгрии (март 2017 г., Венгрия)

Один из новых партнеров – музей имени Антала Регули в Зирце, с которым в 2019 году в честь 200-летия со дня рождения знаменитого этнографа, имя которого носит музей, мы хотим провести совместный этнокультурный проект. Не менее важная грань сотрудничества – выставочная деятельность. Несколько лет назад Венгерский Культурный, научный и информационный центр в Москве подарил нам выставку, посвященную творчеству венгерского композитора Ференца Листа. Также в регионах нашей страны мы успешно демонстрировали планшетную выставку венгерского фотохудожника Тибора Мадьяра «Достопримечательности Венгрии» и фотовыставку «Памятники мирового культурного наследия Венгрии».

А собственный выставочный фонд у центра имеется?

Без ложной скромности скажу, что мы обладаем уникальными выставками, посвященными многообразию культур финно-угорских и самодийских народов. В нашем фонде – Международная выставка-конкурс детского художественного творчества «Завещание предков», Межрегиональная выставка финно-угорских фотожурналистов и фотолюбителей «Мы есть и будем», Межрегиональная фотовыставка «Культура и быт финно-угорских народов» и другие коллекции.

Посетители выставок в Финно-угорском культурном центре Российской Федерации

Один из наших новых выставочных проектов – Международная фотомедиавыставка «Времени живая нить», посвященная теме преемственности поколений, передаче традиций от старших – младшим, от бабушек и дедушек – внукам, от родителей – детям. В течение 2015 года выставка с успехом демонстрировалась в регионах России, а в июне 2016-го была представлена на VII Всемирном конгрессе финно-угорских народов в финском городе Лахти, после чего по предложению общества «Финляндия – Россия» на целый год осталась для экспонирования в Финляндии. Мы регулярно получаем заявки на презентацию этой выставки, и уже создана дополнительная версия фотовыставки. Теперь «Времени живая нить» действует в двух форматах: на холстах и стильных матовых плакатах.

Ну и, конечно, по отдельному графику мы демонстрируем в регионах выставки наших партнеров: фотографов, мастеров, художников.

Кто зрители ваших выставок, фестивалей, творческих программ?

Все наши мероприятия носят просветительский характер и адресованы максимально широкой аудитории: не только деятелям культуры, искусства, науки, но и обычным жителям, неравнодушным к своим корням и культуре народов нашей многонациональной страны.

Участники Фестиваля «Эпосы и мифы леса» (июнь 2015 г., Республика Коми)

В наши дни большое значение имеет социальная значимость культурных мероприятий. Уделяете ли вы внимание особым категориям граждан?

В концепцию многих наших проектов заложен социальный фактор. Возьмем, к примеру, наш фестиваль «Эпосы и мифы леса». В течение нескольких дней его участники выезжают с концертными выступлениями в интернаты и дома для граждан пожилого возраста и инвалидов. Таким образом, народное искусство и художественное творчество становится доступнее и ближе тем, кто в силу сложных жизненных ситуаций ограничен в посещении культурно-развлекательных мероприятий.
В Республике Коми нынешний год объявлен Годом добрых дел. И нам очень приятно присоединиться к этой акции своим долгосрочным проектом – «Уроками этнографии».

Ижорский коллектив – участник IV Всероссийского фестиваля художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов (август 2016 г., Санкт-Петербург)

Это цикл культурно-просветительских занятий на разные темы: об истории, расселении и общности культур финно-угорских и самодийских народов, праздниках и обрядах, промыслах и ремеслах. Для участников проводятся лекции, презентации, виртуальные экскурсии, демонстрируются фильмы. Каждое

занятие адаптировано под определенную аудиторию – от дошкольников до пожилых слушателей. С прошлого года мы стали проводить выездные «Уроки этнографии» в домах-интернатах для престарелых, инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Этим людям особенно важно чувствовать заботу и внимание окружающих, ощущать себя полноценными участниками социокультурного пространства России.

Сейчас сложно представить любое учреждение без присутствия в Интернете. Работаете ли вы над развитием информационного направления?

Действительно, если той или иной организации нет в Интернете, складывается ощущение, что ее и самой нет. Это неумолимое влияние времени. Поэтому в повестке нашей деятельности информационная сфера всегда занимала особое место. Как только мы открылись десять лет назад, одним из первых наших шагов стала разработка концепции информационного портала. Мы очень тщательно продумывали дизайн главной страницы, рубрикатор, навигацию и контентное наполнение. В скором времени портал был создан и запущен по адресу finnougoria.ru. С тех пор он ежедневно обновляется в оперативном режиме. На сайте освещаются события этнокультурной жизни нашей страны, формируется база учреждений культуры и искусства, творческих коллективов и исполнителей, мастеров, художников и фотохудожников, ведется фотоархив мероприятий, пополняется раздел с литературными произведениями на финно-угорских и самодийских языках.

Портал ежедневно посещают тысячи пользователей из разных уголков мира, поэтому он является отличной площадкой для продвижения этнокультурных проектов. К нам регулярно обращаются партнеры за информационной поддержкой; для них наш ресурс – большое подспорье в популяризации своих мероприятий. Эта поддержка оказывается на некоммерческой основе, что в наше время большая редкость.

Мы не стоим на месте. В 2015 году интернет-портал был модернизирован в соответствии с программными обновлениями электронных устройств, актуальных в настоящее время. А благодаря совместной работе с учеными-этнографами и экспертами в области финно-угроведения обновлен историко-этнографический блок «Народы».

Мастер-класс по игре на варгане в рамках Дней культур финно-угорских народов в Венгрии (март 2017 г., Венгрия)

Ваш сайт в большей степени ориентирован на российского пользователя. А как быть иностранцам, нет ли версий портала на других языках?

Для иностранных посетителей мы ввели в систему сайта опцию Google-переводчика, позволяющего перевести все тексты ресурса на английский, венгерский, финский и эстонский языки. Хоть этот перевод и далек от литературного, но он позволяет иностранным

посетителям понять содержание материалов нашего портала.

Кстати, такой же модуль мы внедрили и на наш второй Интернет-ресурс – видеопортал «ФИННОУГРОвидение» (finnougoria.tv). На этом сайте размещаются фильмы и сюжеты, созданные нашей творческой группой и предоставленные региональными коллегами. С 2011 года мы ездим со съемочными экспедициями в регионы России, где компактно проживают финно-угорские народы. Теперь в нашей коллекции четырнадцать этнографических фильмов о культурах, традициях и быте бесермян, води, ижоры, ингерманландских финнов, карелов, коми-пермяков, ливов, манси, мари, мордвы, сето, удмуртов, ханты, эстонцев Крыма. Съемки каждого фильма, как правило, длятся четыре-семь дней.

Съемки объектов этнокультурного наследия бесермян (сентябрь 2016 г., Удмуртская Республика)

В съемочной группе ни много ни мало три человека: два видеооператора и корреспондент-сценарист – сотрудники Финно-угорского культурного центра России. Они же выполняют роли режиссера, монтажера, звукорежиссера, видеодизайнера. Однако в создании фильма задействовано гораздо больше людей – руководитель проекта, специалисты, организующие съемочные экспедиции ,и, конечно, научный эксперт-консультант. Все фильмы делает неповторимыми закадровый голос известного диктора и телеведущего Андрея Стакониса.

Расскажу о нашем самом новом фильме, работа над которым вот-вот завершится. Это фильм «Коми. Наследники древних традиций». Изначально мы снимали тематические видеосюжеты об этнокультурном наследии коренного народа нашей родной республики и задача создать фильм не ставилась. Съемки начались с 2013 года, и постепенно накопилось столько материалов, что не сделать на их основе фильм было просто непозволительно.

Съемки объектов этнокультурного наследия бесермян (сентябрь 2016 г., Удмуртская Республика)

В 2016 году мы провели последние досъемки, и наши ребята приступили к монтажу.
Эксперт фильма – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнографии Института языка и литературы КНЦ УрО РАН Ирина Ильина. Исследователь уже не первый раз участвует в информационно-издательских проектах Центра как консультант и автор статей.

Фильм представляет широкую панораму этнотуристического потенциала республики: зритель не только насладится прекрасными видами разных уголков республики, но и примет интерактивное участие в крупных культурных мероприятиях: Празднике охотника в Троицко-Печорском районе, фестивалях лыжного спорта «Лямпиада» и кузнечного дела «Кӧрт Айка» в Корткеросском районе.

Герои фильма – мастера, ученые, общественники, деятели культуры и обычные жители сел и деревень. В кадре – молодые представители коми народа и взрослое

поколение. Фильм демонстрирует, как в наши дни сохраняются и развиваются традиционные промыслы, ремесла, виды рукоделия коми народа. Как, несмотря на глобализационные процессы, информатизацию общества и рост городов, люди тянутся к природе, родным истокам.

Были ли какие-то интересные случаи во время съемок фильма?

Нашей съемочной группе особенно запомнилась экспедиция по Удорскому району. Команда вместе с проводником – прозаиком и краеведом Алексеем Вурдовым – сплавлялась по реке Ирва, по пути останавливаясь в близлежащих поселениях. Ребят впечатлила одна из деревень, в прошлом многолюдная, где ныне проживает всего одна семья. Глава семейства занимается традиционными промыслами: охотой и рыболовством – река и лес дают все необходимое для жизни. По пути к деревне Кривушино – последнему населенному пункту у верховьев Ирвы – съемочная группа побывала в охотничьих избушках, у одной из которых стоят два идола, оберегающие родовые угодья хозяина. В поездке нашлось место и экстриму – возвращалась наша группа на моторных лодках под проливным дождем. Но все обошлось – никто не заболел.

Мне приятно отмечать, что наши фильмы удостоены немалого числа наград различных конкурсов и фестивалей. Это не может не вдохновлять нас на новые видеоработы.

Такие фильмы должны пользоваться большим интересом у учащейся молодежи. А для совсем юных пользователей вы что-то делаете?

В 2015 году мы реализовали проект, абсолютно новый для нас и по формату, и по аудитории, которой он адресован. Это интерактивная игра «Герои мифов и сказок финно-угорских народов России». Игра-раскраска выполнена во flash-формате и предназначена для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Электронное издание содержит изображения героев мифов и сказок финно-угорских и самодийских народов России с краткой справкой о персонаже. Пользователю предлагается раскрасить картинку, выбрать соответствующую герою атрибутику и собрать пазл со всеми героями игры. Так, фольклорное наследие мордвы в игре представляет сказочное существо Куйгорож, сето – герой Пеко, удмуртов – Мать Солнца Шунды мумы, карелов – старец Вяйнемёйнен.

Мы сделали все, чтобы игра была доступна для пользователей: выпустили ее на дисках и разместили на нашем сайте.

Закрытие Фестиваля «Эпосы и мифы леса» (июнь 2015 г., Республика Коми)

Выпускаете ли вы традиционную – печатную – продукцию?

Конечно, помимо деятельности в инновационной сфере мы занимается издательским делом. Один из наших самых востребованных печатных продуктов – справочник «Финно-угорские и самодийские народы в этнокультурном многообразии России» с краткой энциклопедической информацией о каждом финно-угорском и самодийском народе, сведениями об их численности, расселении и родственных связях.

Сейчас мы готовим к выпуску новый номер культурно-этнографического журнала «Финноугория. Этнический комфорт», который любят и ждут читатели со всей России. Содержательный буклет о долгосрочном образовательном проекте – Летнем университете юных филологов, CD-альбом «Финно-угорский транзит: музыкальные

композиции финно-угорских и самодийских народов», информационный буклет, посвященный 10-летию деятельности Центра, – это далеко не полный перечень последних издательских продуктов Центра, которые можно встретить в библиотеках и учреждениях культуры и искусства нашей страны.
Эти и многие другие проекты реализуются при неизменной поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Государственного Российского Дома народного творчества имени В.Д. Поленова. А консультативное и организационное содействие оказывают наши коллеги – члены Совета координаторов: представители министерств и ведомств культуры, домов и центров народного творчества и этнокультурных учреждений регионов России.

…Да, нам уже десять лет. И все мероприятия нынешнего года проходят под знаком юбилейного события. Это очень ответственный повод для того, чтобы выполнить ранее запланированное и придумать новое. Мы неизменно готовы радовать и гостей наших мероприятий, и посетителей наших интернет-порталов, и зрителей наших фильмов и, конечно, партнеров и коллег со всей России и стран зарубежья старыми добрыми проектами и совершенно новыми идеями. Время важных дел продолжается!..

К содержанию

ИВАН БЕНЦА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Медийный ландшафт Северо-Запада: проблемы и перспективы

Иван Васильевич Бенца – генеральный директор Ассоциации средств массовой информации (АСМИ) Северо-Запада.

Что представляет собой медийный ландшафт Северо-Запада сегодня?

Информационные пространства российских регионов долгое время формировались по единому формату: районная, городская, областная (краевая, республиканская) пресса плюс ведомственный сектор (малая пресса), ориентированный на узкую профессиональную аудиторию. Содержательная часть, или, как теперь принято говорить, контент, большим разнообразием не отличалась, но, тем не менее, удовлетворяла информационные потребности общества.

Точнее, значительной части общества, поскольку и в то время на разных уровнях, в том числе и на региональном, были разные

информационные запросы и удовлетворялись они далеко не в полную меру.

С этим «родовым пятном» региональная журналистика продолжает существовать и поныне, отличаясь принципиально лишь в количестве и качестве носителей и разнообразии форм передачи контента: телевидение, радио, Интернет…

Принципиального же поворота, который размыл бы территориальные информационные границы и расширил региональные аудитории, на мой взгляд, не произошло. Более того, в советский и раннеперестроечный периоды были СМИ, которые не относились формально к общефедеральным, но были известны всей стране (питерская газета «Смена», например).

Ныне же трудно найти региональное СМИ, которое имело бы федеральную аудиторию. Хотя, если сравнивать журналистские потенциалы в целом, то они, мне кажется, не так уж и сильно отличаются, и в региональной журналистике есть много интересных перьев. Но они в вечной тени, и пока не выработана практика донесения их мнения до широкой аудитории.

Медийный ландшафт Северо-Запада сегодня очень пестр и постоянно меняется. Ассоциация средств массовой информации Северо-Запада объединяет свыше ста ведущих медийных структур всех одиннадцати регионов. Тенденция ничем не отличается от общероссийской: количество традиционных СМИ сокращается, зато увеличивается интернет-среда.

Насколько взаимопроницаемы информационные пространства регионов СЗФО?

Я бы не стал говорить о взаимопроницаемости, это, скорее всего, еще впереди. Но о сближении, и очень существенном, вполне можно говорить.

Помню первую организационную встречу руководителей СМИ Северо-Запада в 2000 году. Бок о бок сидели коллеги из соседних регионов, но они не знали друг друга. Теперь это единое сообщество, которое общается, обменивается опытом, иногда напрямую, без всякого нашего посредничества.

Но основные региональные информационные потоки по-прежнему протекают параллельными курсами. Я помню, что мне говорил мой редактор в Архангельске, когда я приносил материал, выходивший за географические рамки региона. «А где здесь Архангельск?», – спрашивал он, иногда даже не добираясь до сути. Я и сам, став редактором, иногда, увы, задавал такой вопрос пишущим.

Этот вопрос висит в воздухе до сих пор. Региональная журналистика остается «зафлажкованной», и никакие новые технологии не помогают ей прорваться на более широкие просторы.

О взаимопроницаемости можно говорить ровно в той степени, в какой можно говорить о доступности информационного пространства в целом. Жителю Пскова не составляет труда сегодня заглянуть на сайт калининградских, допустим, СМИ и узнать, как у соседей борются, например, с санкционной продукцией.

А интерес к жизни соседей был всегда. В самом начале существования нашей Ассоциации, когда Интернетом пользовались немногие, а главным информационными носителями были традиционные СМИ, мы делали газетный вкладыш в ведущие региональные печатные издания, который назывался «Регион Северо-Запад» и выходил общим суммарным тиражом в полмиллиона экземпляров. И этот вкладыш пользовался спросом.

Архангелогородцев, например, задевало, если оказывалось, что любимая «трещочка» в Мурманске значительно дешевле. Или наоборот. И чиновников задевало. В некоторых регионах рекомендовали редакторам не печатать наш вкладыш.

Можно ли сопоставить медийную ситуацию в СЗФО с другими округами?

И да, и нет. Есть типичные черты: та же территориальная структуризация (областные, городские издания, «районки»), та же структура собственников с подавляющим преобладанием государственного сектора СМИ, некоторые другие общие характеристики.

Но есть и отличия, которое обусловлены экономическими, географическими

особенностями – развитостью рекламного рынка, столичной близостью, приграничным сотрудничеством, сильными университетской и институтской базами и некоторыми другими признаками, характерными для Северо-Запада.

Хотя, мне кажется, этот вопрос недоисследован, во всяком случае, я нигде не встречал развернутого анализа по данной теме. Как недоисследован и региональный информационный рынок в целом, особенно текущий переходный период, когда идут сложные и трудные процессы трансформации информационной среды.

Петербург – доминанта информационного поля округа во всех областях или в каждой сфере можно выделить своего регионального лидера? Какие имеются заметные / интересные издания, как бумажные, так и электронные?

Да, разумеется, в некоторых сегментах Петербург явно лидирует. Но я бы не говорил о безусловном лидерстве; логичнее рассуждать, как мне кажется, о разных доминантных центрах.

По количеству независимой прессы лидирует, пожалуй, Калининград. А более профессиональное, по-журналистски интересное печатное издание, чем «Новая новгородская газета», издаваемая известным журналистом Сергеем Брутманом, сегодня трудно найти. С творческим разнообразием работает в печатном секторе редактор вологодской газеты «Красный Север» Надежда Кузьминская. В телевизионной журналистике высокая планка у мурманского телеканала ТВ-21, возглавляемого Светланой Солдатовой.

Информационный рынок Северо-Запада разнообразен, и деление на провинциальный и питерский столичный было бы неправомерным и несправедливым.

Иногда питерские журналисты обижаются, когда на конкурсах журналистского мастерства их сравнивают с регионалами. И напрасно. В регионах есть очень качественная, высокопрофессиональная и интересная журналистика.

Члены конкурсного жюри, которые читают и смотрят журналистские работы, в этом постоянно убеждаются.

Чем занимается сегодня Ассоциация СМИ Северо-Запада и насколько успешно она решает задачу объединения медиа СЗФО?

Мы стараемся анализировать ситуацию на информационном рынке, хотя бы на ступенечку приподниматься над текучкой и показывать коллегам возможности, которые могут, так сказать, скрываться за горизонтом. Последние годы мы тщательно исследуем особенности трансформации регионального информационного рынка.

Пытаемся всеми возможными путями помочь нашим коллегам сориентироваться в это трудное время. Распространяем удачный опыт.

Проводим ежегодные Форумы СМИ с широким участием и выносим на дискуссионные площадки самые актуальные вопросы информационного развития. В этом году пройдет уже пятнадцатый съезд журналистов Северо-Запада.

Еще проводим ежегодные конкурсы журналистского мастерства «СеЗаМ» («Северо-Западные медиа»). Сближаем по мере возможностей «смишные» пространства, размываем информационные границы.

На двух последних форумах СМИ велась дискуссия на тему особенностей информационного рынка на местах. Что имеем на сегодняшний день в регионах: победную цифирную дробь на полосах и в передачах,

скучный «официоз» в сочетании с бесконечными «губернаторскими селфи», или продуманную информационную политику, отвечающую на реальные запросы людей? Интересные были дискуссии.

Приглашаем на наши Форумы москвичей, думцев, людей, принимающих решения, в том числе губернаторов. Выходим по мере возможностей на обобщения и выносим их на другие, более высокие уровни. Рекомендовали, например, профильному комитету Госдумы выработать новые правила государственной поддержки СМИ.

Какова сегодня роль государства и насколько она велика? Какова роль конкретных учредителей, в т. ч. конкретных представителей власти – на уровнях субъекта Федерации, региона, района? Как соотносятся свобода слова издания / журналиста и политические требования учредителей?

В настоящее время, как и в обозримом прошлом, государство и институты местной власти доминируют на информационном рынке. Был момент, назывался он перестройкой, когда процесс разгосударствления СМИ шел усиленно.

Но уже с начала «нулевых» государственные СМИ стали преобладать, особенно на региональных рынках. На Северо-Западе остались единицы независимых изданий. Здесь, конечно, сыграли свою роль бесконечные финансовые кризисы.

Информационный рынок оказался самым уязвимым, особенно региональный рынок, и большинство СМИ даже без особого нажима «сверху» вернулись под государственное крыло.

Насколько эффективным оказался новый процесс огосударствления СМИ – отдельный большой разговор, сейчас речь может идти лишь об эффективном сосуществовании собственников и СМИ.

И здесь, как и во всей России, картина на Северо-Западе разная: есть области, где СМИ выстроены по стойке «смирно», а есть «край непуганой журналистики».

Что касается свободы слова, то ее никто не отменял, и она является в значительной степени внутренней потребностью журналиста.

Я не представляю, кто и на какие рычаги может нажать, чтобы заставить замолчать видящего несправедливость уже упомянутого мною новгородского журналиста, редактора и издателя Сергея Брутмана. Но он умеет говорить неприятную правду так, что это вызывает уважение даже у тех, кого он задевает своей критикой.

Что такое «Медиа-атлас Северо-Запада» и почему это важно?

«Медиа-атлас Северо-Запада» – это название медиа-выставки, проводимой ежегодно в рамках Форумов СМИ в Санкт-Петербурге. Выставки тематические, в прошлом году, например, она ориентировалась на освещение молодежной тематики в СМИ и называлась «Молодая смена».

Каждый регион старается показать лучшее, что вышло на полосы и на экраны, и таким образом формируется наш медиа-атлас.

Лучшее – это не значит, что показываются «потемкинские деревни», это значит, что показываются повороты тем, журналистские приемы и находки, новые творческие подходы, изобразительные технологии и т.д.

У нас есть и другие задумки по медиа-атласу, но пока рано о них говорить.

Можно ли говорить о формировании единого информационного пространства СЗФО, хотя бы в перспективе? Насколько это вообще возможно и нужно?

Я уже упоминал, кажется, что в региональном информационном пространстве заметна тенденция на сближение, во всяком случае, у нас на Северо-Западе, и мы эту тенденцию стараемся усиливать.

Единого информационного пространства нет, и не предвидится, как мне кажется, в ближайшем будущем, если такое возможно вообще.

Если вспомним стереотипное высказывание, что СМИ – это зеркало действительности, то слишком разная действительность, например, в

Нарьян-Маре и Калининграде и выровнять ее вряд ли возможно. В Сыктывкаре свои беды в ЖКХ, а в Мурманске – другие.

Но стирание информационных границ, а вернее, их расширение, размывание, возможно и даже необходимо.

Раньше региональная жизнь более или менее освещалась в федеральной прессе, и архангелогородец, например, мог узнать, как сохраняют деревянную старину в Вологде и почем товары в магазинах соседнего Мурманска. А что сейчас можно найти на региональные темы на федеральных телеканалах и в федеральной прессе?

В каких сферах наблюдается наиболее выраженная тенденция к объединению усилий региональных СМИ?

Мы ничего не придумываем, а смотрим на жизнь, которая изобретательнее всех нас.

Подешевел рубль, жизнь подорожала, стал менее доступен, например, отдых за рубежом, а туристические возможности регионов Северо-Запада малоизвестны. Иногда в соседних областях не знают, какие жемчужины рядом. И мы, объединив усилия, взялись за раскрутку туристического потенциала Северо-Запада.

Провели в Нарьян-Маре Малый форум АСМИ, посвященный информационному продвижению туристических возможностей арктического региона, а затем провели аналогичное мероприятие в Вологде.

При этом мы не ставим задачу подготовить по итогам мероприятий столько-то публикаций и передач, хотя и это важно, а стараемся привлечь внимание редакторского корпуса к проблеме и увлечь людей идеей.

Медиа-выставку на одном из недавно прошедших Форумов СМИ посвятили представлению в СМИ туристических возможностей Северо-Запада.

Возникла проблема, затрагивающая не один регион, и с поддержкой АСМИ она может получить широкое звучание и найдет отражение в десятках ведущих СМИ регионов.

На Больших форумах АСМИ, проводимых традиционно в октябре в Санкт-Петербурге, мы предоставляем трибуну власти, бизнесу: говорите, что вас тревожит и что требует общественной поддержки!

Каковы планы Ассоциации на будущее – ближайшее и отдаленное?

Наше ближайшее будущее – октябрь, когда состоится юбилейный, пятнадцатый Форум СМИ Северо-Запада, подготовка к которому уже идет полным ходом.

Есть среднесрочные планы, а иногда заглядываем и в будущее.

Нам кажется, что российский региональный информационный сектор недооценен, недоисследован и требует более серьезного подхода.

Санкт-Петербург вполне мог бы стать средоточием региональной журналистики, куда стекался бы весь накопленный опыт трансформации региональной информационной среды.

Здесь мог бы действовать на постоянной основе пресс-центр, развивалась бы аналитическая, а также, возможно, методологическая и учебная база.

К содержанию

БАИР ИРИНЧЕЕВ (ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

«У коллекционеров все обычно лежит на чердаке, а мы хотим показать историю людям»

Баир Климентьевич Иринчеев — директор Военного музея Карельского перешейка (Выборг).

Расскажите об истории создания Военного музея Карельского перешейка. Как возникла сама идея? Почему именно такая тема? Из чего вырос музей и какими были первые экспонаты? Что сейчас предлагает его экспозиция?

Работу по созданию музейных экспозиций я начал примерно 17 лет назад, и тогда ситуация была несколько иной, нежели сейчас.

Тема советско-финской войны и Великой Отечественной войны на Карельском перешейке мало где освещалась. Сейчас появилось много выставок, и в Ленинградской области и в Карелии, самых разных, больших и маленьких. Можно только приветствовать, что все это у нас развивается.

Но тогда, 17 лет назад, не было ничего, и захотелось закрыть этот пробел, тем более, что в лесах на линии Маннергейма, да и на других местах боев экспонатов можно было найти гораздо больше, чем сегодня. То есть имелась возможность создать экспозицию, причем не задорого, а за вменяемые деньги.

Я начал больше времени проводить в Финляндии, посещать барахолки, антикварные магазины, и, естественно, стало понятно, что там предметы финского снаряжения,

обмундирования и вооружения стоят небольших денег по сравнению с немецкими вещами, и экспозицию создать достаточно легко.

Сейчас ситуация изменилась, все стало дороже, всего стало меньше, но тогда, повторю, было довольно просто и дешево.

Соответственно, закупки в Финляндии и те экспонаты, что вывозились из лесов, и стали основой экспозиции. Самым первым экспонатом, который я вывез из леса, был станок от дота Инкеля-6, который лежал у шоссе; я специально нанимал машину, чтобы его оттуда вывезти.

Сегодня же наша коллекция – к сожалению, каталогизация далеко не завершена, постоянно что-то новое приходит, – так вот, коллекция насчитывает около двух с половиной тысяч фотографий, может, даже больше. У нас есть уникальные фотографии, сделанные немецкими солдатами во время Великой Отечественной войны. Например, как горит «Корпус под Гербом» в Петергофе…

Затем – порядка двухсот или больше предметов униформы и снаряжения, штук двадцать массово-габаритных макетов и порядка двухсот подлинных газет времен войны, включая экстренные выпуски, а также, наверное, порядка двухсот подлинных листовок времен войны, плюс коллекция значков, отличительных знаков, личных вещей солдат.

Еще есть коллекция фронтовых финских поделок – из того, что выставлено на обозрение, она – самая большая в России.

Я не питаю иллюзий – в частных коллекциях у кого-то наверняка есть гораздо больше, чем у меня.

Просто частные коллекции – это одно, а музейная экспозиция – несколько иное. Коллекционер все делает для себя и для каких-то своих личных интересов, а музей создается, чтобы показывать экспонаты людям.

Я знаю, что у нас в России есть огромное количество замечательных коллекционеров европейского уровня, у которых все их сокровища лежат, так сказать, на чердаке. Коллекции униформы, знаков отличия, погон, фотографий, книг, газет – ничего не выставляется. А у меня было искреннее желание все показать.

В итоге музей перебрался в просторные помещения…

Да, мы теперь находимся в Центральных казармах города Выборг, также это место известно как военный городок №205. Больше года назад министерство обороны Российской Федерации заключило с нашей маленькой автономной некоммерческой организацией договор о том, что мы здесь являемся пользователем и используем этот комплекс под музейные цели.

Когда-то здесь располагалась Школа младших авиационных специалистов (ШМАС), от нее нам достался памятник во дворе – истребитель МиГ-19. Но, к сожалению, до нас три года этот комплекс пустовал и находился в жутком состоянии.

Наша задача состоит в том, чтобы в дальнейшем, по мере реставрации городка, использовать его целиком. Собственником объекта по-прежнему является министерство обороны, мы лишь пользователи. Хотим превратить это место в культурный, исторический и образовательный центр. Вопрос в том, как все это отреставрировать и как потом содержать.

Часть территории бывшего военного городка до начала реставрационных работ.

Фрагменты территории бывшего военного городка до начала реставрационных работ.

Плюс, тут не очень понятно, что именно является объектом культурного наследия, а что не является объектом культурного наследия, что можно трогать, а что нельзя. В документах министерства культуры и в документах собственника, то есть министерства обороны, есть расхождения на сей счет. Поэтому заказана историко-культурная экспертиза; надеемся, к концу лета ее проведут, и на основе этого заключения можно будет готовить план реставрации.

Откуда приходили первые посетители? Как они узнавали о музее? Что их прежде всего интересовало?

Музей мы открыли в Выборге в 2013 году, просто сняли помещение в центре города, в старой части, крохотное, не больше 80 квадратных метров. Оно понадобилось, потому что к тому времени личная коллекция разрослась до таких размеров, что надо было либо продавать ее, либо начинать выставлять. Я выбрал второй путь. На тот момент я уже лет десять водил разные военно-исторические экскурсии по линии Маннергейма, то есть уже имелось ядро людей, которым это было интересно. Наша группа «ВКонтакте» начиналась с 50 человек, а сейчас в ней около 8300 участников. Что интересовало?.. Так, наверное, все.

Насколько, по сравнению с началом работы музея, вырос интерес к нему? Как изменилась его посещаемость? За счет чего, по вашему мнению, формируется известность музея?

Да, интерес, конечно, вырос, потому что чем дольше музей работает, тем больше люди о нем узнают, молва постепенно расползается. Известность музея формируется за счет нашей группы «ВКонтакте», за счет выставок, за счет сотрудничества со средствами массовой информации, как городскими, так и по Ленинградской области.

Проводятся ли в музее экскурсии, специально ориентированные на детей, школьников и подростков? Что входит в программу этих экскурсий?

Знаете, у нас давным-давно витает идея делать специальные экскурсии для молодых: «Я был школьником в 41-м», «Я был студентом в 41-м», и так далее.

Представьте, приводят группу школьников и говорят им: вы находитесь в Ленинграде в 1941 году, попробуйте вообразить, что бы с вами происходило. Воздушная тревога – один хватает сирену, начинает ее крутить, остальные бросаются в бомбоубежище; затем демонстрируется, что такое «зажигалка»…

Очень забавно, кстати – я даже не мог себе такого представить, – нынешние дети не понимают, что такое «зажигалка». Для них это

зажигалка, которой поджигают сигареты, а не немецкие зажигательные бомбы, которые сбрасывали на город в контейнерах.

Для таких демонстраций нужна специальная площадка.

Ну, места у нас много на территории казарм, можно все показывать. Вдобавок у нас есть бомбоубежище. А «зажигалка» – тот же файер, оружие футбольного болельщика. Для студентов – например, «погружение» в народное ополчение. Взяли шинели, винтовки, пошли рыть окопы и учиться бороться с немецкими танками. Чтобы понимали, как это было. А потом сказать: знаете, через два месяца, к ноябрю 41-го, из вас в живых останется, наверное, двадцать процентов. Тоже чтобы понимали.

Но все, к сожалению, упирается в дефицит людей. Самое страшное – не недостаток денег, с этим как-то можно справиться, они рано или поздно зарабатываются. Не хватает просто людей, которые будут всем заниматься.

Нет, вокруг много людей, которые интересуются историей нашей страны.

В основном реконструкторы, но реконструкторы – это все-таки люди, для которых самое главное – фестивали: вот они приехали куда-то, потусовались, если провели урок живой истории – вообще замечательно, но чаще всего они садятся у костров, расслабляются, потом побегают по полю, снова к кострам, сделали селфи и уехали. Это развлечение на один – на два дня.

А здесь нужно тянуть рутину каждый день, разбираться с нудятиной. Нужно заказывать вывоз контейнеров для мусора, убирать листья, топить печки зимой, колоть дрова, таскать туда-сюда.

На самом деле я сам удивился, когда понял, что на большой территории музейная работа – прежде всего перетаскивание вещей с места на место, причем вещей больших и тяжелых.

Да, когда придумываешь экспозицию, понятно, что творчество присутствует, но по большей части музей – такая нудная работа, и сейчас мы с моим заместителем Артемом Кокиным к ней уже привыкли. А реконструкторы приходят и говорят, ну да, прикольно, мы как-нибудь к вам приедем, может, проведем урок живой истории. А может, и не приедем, потому что Выборг – это далеко и вообще скучно.

Сейчас мы приготовили общежитие для волонтеров. Понимаете, если в группе в соцсетях написать – приезжайте к нам, мы вам проведем бесплатную экскурсию и можете у нас бесплатно заночевать, то да, наберется 50 человек. Не проблема.

Но фронт работ у нас такой, что сначала нужно нанять нормального прораба, все с ним четко прописать и понять, что и в какой последовательности делаем. У нас уже был опыт негативный, первый субботник: прибежали 50 человек и не знали, чем заняться. В итоге куда-то подметали листья.

Наша задача сейчас – распорядиться теми небольшими ресурсами, которые есть, с максимальной пользой. К чему это я говорю? Даже если мы разработаем специальные экскурсии для школьников, нужны люди, чтобы их проводить, а людей и нет. К сожалению. Но будем стараться.

Зимой была экскурсия, в ходе которой мы предлагали школьникам растопить буржуйку и чай на ней вскипятить. Не смогли! Еще зимой игру устраивали: у нас бочка с водой стоит на дальнем конце городка, вот ведерко, вот санки, донесите-довезите воду из точки А в точку Б, вскипятите и сделайте себе суп из горохового концентрата. Так ребята начинают понимать, каково было жить в войну.

Как ребята реагируют на экспонаты музея – на оружие, на технику, другие артефакты военных лет?

Дети реагируют с очень большим интересом. Они все очень благодарны за то, что все можно брать в руки. Потому что контактные музеи мало где есть. Вот, специально для детей распечатали на 3D-принтере макеты дотов линии Маннергейма, их можно брать в руки, открывать, смотреть, какая у них была внутренняя планировка. Масштаб 1: 35.

Еще мы постепенно делаем диораму с находками с линии Маннергейма – осколки, вещи, кстати, самодельные печки, которые делали наши бойцы, чтобы согреваться. Ведь на

линии Маннергейма половину декабря и весь январь пришлось жить, люди импровизировали – из касок печки делали, из тазиков, из ведер… Так вот, мы хотим все эти предметы, все эти находки на диораме красиво разложить.

У нас будет земля, имитация снега, колючая проволока, воронки, манекены и остальное. Тут советская землянка, потом нейтральная полоса, а дальше – финские позиции, огневая точка и прочее. Когда посетитель будет проходить по нашей диораме, то сможет самостоятельно открывать некоторые участки и увидит подлинные вещи тех времен. Стоит, например, боец с винтовкой; посетитель сможет увидеть, что остается от винтовки, много лет пролежавшей в земле. Или, допустим, два котелка – чистый, надраенный, и тот, что 70 лет пролежал в земле.

А в бывшем ангаре для военной техники у нас располагается макет башни немецкого танка, макет в разрезе, это реквизит к фильму «28 панфиловцев».

Кстати, башню изготовили ради 10 секунд экранного времени: в фильме есть кадры – немцы садятся в танк, закрывают люки, едут, переговариваются: а затем через триплекс прилетает пуля из ПТРД в лицо механику-водителю. Сделана башня на рессорах, чтобы имитировать движение по пересеченной местности.

Пока у этого макета мы рассказываем о фильме «28 панфиловцев» и о том, как это кино снимали. А в планах – сдвинуть башню на несколько метров вперед, чуть приподнять, смастерить окопы и поставить двух панфиловцев, кидающих в танк гранаты.

Интересна ли детям такая тема – военные столкновения с Финляндией в 1930–1940-х годах? Или они мало знают об этой странице истории Карельского перешейка?

Если говорить об истории войны с Финляндией в 1939–1940 годах, то очень многие о ней просто не знают, особенно те, кто приезжает из Москвы, других регионов России. Они не знают, что такая война вообще была.

Поэтому у нас посещение музея всегда сопряжено с экскурсией, а не просто купил билет, вошел внутрь и все, гуляй себе. На основной экспозиции всегда стоит экскурсовод, который подробно обо всем рассказывает.

Мне кажется, то, что люди могут взять оружие в руки и почувствовать, насколько оно тяжелое, насколько неудобное, многих заставляет задуматься.

Кстати, мы непременно рассказываем, что у пулемета «максим» имеется 26 видов задержки, то есть 26 причин, по которым пулемет может отказать; бойцу Красной Армии, который хотел получить значок «Отличный пулеметчик», требовалось за 40 секунд на поле боя распознать конкретную задержку и устранить, чтобы пулемет снова начал стрелять. Только тогда он получал значок «Отличный пулеметчик».

По-моему, у людей, даже у молодых, меняется отношение к памяти, они осознают, насколько все было тяжело, нудно, тоскливо и опасно. Вот иногда смотришь современные фильмы, и из «дегтярева» палят, прямо как Рэмбо, а «дегтярев», извините, весит 10 кило, его и взрослому мужчине тяжеловато поднять, а молодым ребятам – тем более. На экране красивая картинка, а в реальности все было по-другому.

Общий посыл нашего музея – что надо помнить, чтобы всего этого не больше было; раз уж Советский Союз и Финляндия воевали, надо помнить, помнить всем, чтобы такое не повторилось снова.

Карта боевых действий на советском-финском фронте.

Посещают ли ваш музей гости из Финляндии? Каково их отношение к тем событиям?

Финны приезжают часто, в основном как раз летом, зимой они в Выборге появляются, только чтобы купить подарки к Рождеству и провести предновогодний корпоратив.

Они, как мне кажется, очень благодарны, что появился новый музей, поскольку очень многие в Выборге бывали и раньше и все уже видели.

Еще дважды или трижды приезжали потомки тех финских красногвардейцев, которые сидели в лагере на территории казарм в 1918 году. Плакали, когда их пустили на территорию. Говорят, 30 лет ходили мимо, знаем, что здесь наш дед умер (или прадед), поэтому для нас важно хотя бы зайти, посмотреть, что это за место. Пока тут была воинская часть, их, конечно, внутрь не пускали.

Еще им приятно видеть нашу неплохую коллекцию финской формы. Причем у нас все подается намеренно нейтрально, все идет вперемешку – и наши, и финские экспонаты стоят в одном зале.

Для финнов, к слову, и это очень важно понимать, советско-финляндская война – это святое, как для нас Великая Отечественная. Та война у них действительно примирила красных и белых в Финляндии, примирила финноязычных и шведскоязычных, фактически создала нацию; Финляндия отстояла свое право быть независимым государством, люди сражались за это, многие погибли. И то, что мы это понимаем и уважаем, рассказываем об этом на экскурсиях, они высоко ценят.

Мы на экскурсиях, особенно русским посетителям, всегда повторяем: поймите, для нас финская война – это одно, а для финнов – категорически другое.

Насколько привлекает посетителей музея интерактивный характер экспозиции?

Очень многие говорят, что интерактивный характер – это очень здорово. Есть форма, которую можно примерить, есть набор массо-габаритных макетов, которые можно взять в руки, есть оружие, которое можно подержать. Например, образцы того оружия, которое могло здесь, в наших краях, применяться – самые разные винтовки, пулеметы «максим», наш и финский, «лахти–салоранта», «дегтярев» пехотный, немецкий пулемет MG-34, чешский ZB-30. Есть еще ПТРД и ШКАС на зенитной треноге…

Вверху и внизу. Посетители на выездном стенде Военного музея Карельского перешейка в Летнем саду (Санкт-Петербург)

Оказывают ли помощь в работе музея государственные и общественные структуры? Какие именно? Или вся работа – всецело заслуга частных лиц и их добровольной поддержки?

По поводу помощи государственных и общественных структур – прошлым летом очень помог Дом молодежи города Выборга. Они прислали к нам школьников, которые убрали листья и помогли расчистить территорию.

Еще у нас заключен договор о сотрудничестве с парком «Патриот», и есть пока не до конца оформившаяся идея: имеется филиал парка «Патриот», а будут и общественные представительства парка «Патриот». Мы выступаем таким вот пилотным проектом общественного представительства. Надеемся, они с нами поделятся крупными предметами, типа орудий. Танков нет уже, как нам сказали. Танки кончились.

Большая благодарность Администрации Президента РФ за выделенный грант на манекены и оборудование для новой экспозиции, на издание книг.

Опыт сотрудничества с государственными структурами, словом, в целом положительный, хотя нам пришлось очень многому научиться, особенно в плане отчетности. Все строго, все с большим количеством бумажной работы.

Частные спонсоры тоже есть. И приезжают добровольцы иногда, когда мы объявляем субботники.

По поводу Администрации Президента – вы получили грант на развитие Военного музея Карельского перешейка или на что-то другое?

Мы получили грант на создание первого в России музея «Подвиг женщин на защите Отечества».

Если помните, и в Отечественной войне 1812 года была кавалерист-девица Дурова, в Крымской войне были милосердные сестры, равно как и в последней турецкой, в русско-японской и в Первой мировой.

А в Великой Отечественной вообще 800 тысяч женщин воевало, но до сих пор нет музея, им посвященного, – хотя в Америке, например, даже два музея женщин в армии США, на двух американских военных базах.

На президентский грант мы издали две книги и закупили манекены. На эти манекены мы надеваем форму военных лет и снаряжение. Будут и пояснительные плакаты – на русском языке, на английском, на финском и на китайском. Вот манекен летчицы, сделан по фотоснимку Лидии Литвяк, выдающегося пилота, аса-истребителя: по самой консервативной оценке, 5 личных побед и 3 победы в группе, а вообще ей приписывают от 8 до 15 побед.

Рядом манекен девушки-зенитчицы, а дальше танкистка. Известно минимум о 13 женщинах-танкистках, которые воевали в составе танковых экипажей – не просто служили в танковых частях, а входили в состав экипажей. На этом манекене – танковый огнезащитный костюм образца 1943 года, который выдавался экипажам тяжелых танков и огнеметных танков;

наш музей – единственный в мире, где экспонируется такой комбинезон.

Дальше санинструктор, у нее пять медалей «За отвагу»; именно столько раз была награждена Вера Сергеевна Ипполитова, воевавшая на Ленинградском фронте. Когда началась Великая Отечественная война, ей было 20 лет. Она пошла добровольцем, воевала сначала в морской пехоте, потом в гвардии. Все ее медали – за спасение раненых с поля боя.

Еще есть манекен девушки-снайпера с винтовкой и в подлинном маскхалате. А особняком – манекен связистки: мы специально перед нею выложили вещи, которые связисткам приходилось таскать на себе – катушка с кабелем, полевой телефон и карабин, все вместе весит примерно 15 кг. Зачастую эти девушки проходили с такой выкладкой по 20–30 километров в сутки.

О «женской» части нашего музейного комплекса я могу рассказывать очень долго.

Форму, наверное, пришлось подгонять под женские фигуры манекенов?

На фронте женщины носили обычную солдатскую форму, никакой специальной униформы для них не было, им приходилось ушивать и перешивать типовую.

К слову, манекены, которые мы закупили, магазинные, высокие, а люди в 1940-х были намного ниже ростом. В воспоминаниях женщин-участниц войны часто натыкаешься на вот такое: ботинки велики, форма не того размера, все нужно перешивать.

Но в нашей экспозиции есть подлинная, сшитая на заказ, гимнастерка советской женщины-медика, младшего лейтенанта. Там узенькие погоны – медицинские – и специальная вытачка под грудь, и явно портной хотел угодить этой женщине, сделал воротник как у парадного кителя, чтобы выглядело изящнее.

На гимнастерке, между прочим, пластиковые пуговицы – такие поставлялись по ленд-лизу,

помимо танков, самолетов, топлива, тушенки, сгущенки, ботинок и прочего. А английское сукно высоко ценилось среди наших офицеров, даже появилось присловье: «носить подарок английской королевы».

Музей женщин на войне будет включать в себя также «Зал памяти», где мы уже начали вывешивать фотографии и истории воевавших женщин. Люди присылают нам фото своих бабушек и прабабушек, а мы их распечатываем и постепенно заполняем зал.

Есть ли какие-то общие программы патриотического воспитания, в которых музей участвует вместе с другими музеями? Если да, что это за программы?

По поводу программ патриотического воспитания – мы хотим сотрудничать с Юнармией, но опять же – дефицит людей. Мы можем объявить: приходите, у нас имеется дрон, на котором можно полетать, можно устроить, чтобы он проходил полосу препятствий, можем рассказать историю винтовки, историю русской армии, каких-то героических страниц…

Объявить можно, но сперва надо найти людей. Мы сами реально очень заняты содержанием и поддержанием экспозиции. Тут вопрос не в деньгах, а в том, чтобы нашлись хорошие люди, которые могли бы нам помочь.

Что вы считаете своей наибольшей удачей как музейщика? Какой экспонат для вас наиболее ценен или значим?

Да все экспонаты очень хорошие и ценные, и с каждым из них связана своя история.

Есть у нас такой очень неприметный экспонат, за которым целый исторический пласт скрывается, можно сказать. Это сургучные печати финской кавалерийской бригады.

Дело в том, что в июньские дни 44-го, после прорыва финской линии обороны в Куутерселькя 1-я Краснознаменная танковая бригада с десантом на броне уехала к финнам в тыл, и 15 июня вечером, абсолютно неожиданно для финнов, ворвалась во двор усадьбы, в которой располагался штаб кавалерийской бригады.

Причем появились наши настолько неожиданно, что финны сначала даже подумали, что это вообще финские танки, потому что у финнов было много трофейной советской техники. Но потом оказалось, что танки не финские, а советские.

Короче, здание загорелось, штаб разбежался, а сейф, где находились эти печати, провалился в подвал. Его только в 1990-е годы нашли поисковики и обнаружили внутри сургучные печати, которыми запечатывали конверты.

Я их выменял у поисковиков на одну финскую шинель. Вроде бы мелочь, но в финской армии была всего одна кавалерийская бригада и, соответственно, имелся всего один набор сургучных печатей. Абсолютно уникальный экспонат.

Еще по-настоящему много листовок, редких, подлинных – наших и финских. В старом музее –

в старом здании – была выставлена финская кожаная куртка танкиста, образца 1922 года.

Приехала как-то в гости делегация из финского танкового музея в Пароле. Финны увидели куртку, спрашивают, мол, что это у тебя? Я отвечаю – сами видите, финская танковая куртка образца 1922 года. У вас, говорю, такие же есть. А они говорят – есть, только переделанные из модели 36-го года, а у тебя, похоже, «родная».

Было очень приятно. Ничего себе – даже у финнов нет, а у нас, оказывается, есть! Я эту куртку купил за 250 евро на интернет-аукционе, в плохом состоянии, конечно, зато подлинную.

Также имеется солидная, думаю, крупнейшая в России коллекция финских фронтовых поделок времен Великой Отечественной войны. С 1942 по 1944 год финская армия ведь не воевала, и солдаты, вместо того чтобы заниматься боевой подготовкой и строить укрепления, делали разные замечательные штучки: лампы с абажуром из колючей проволоки, шкатулки с резными крышками, кольца, фигурки животных, портсигары – и ножны под традиционный финский нож-пуукко, тот, который мы привыкли называть «финкой». У нас таких экспонатов довольно много.

Каковы планы по развитию музея? И какая роль в этих планах отводится государственной поддержке?

Если говорить о планах развития музея, то, конечно, в первую очередь, это противоаварийные работы и приведение в порядок фасадов самого квартала казарм, потому что с одной стороны у нас все разваливается, а с другой стороны какие-то «гении» разрисовали все граффити, и теперь нужно закрашивать. Это со стороны Театрального переулка, от собора Петра и Павла.

Когда состоится историко-культурная экспертиза, займемся максимальной консервацией зданий, ремонтом кровли и возвращением на место выпавших кирпичей. А затем надо будет рисовать нормальный проект реставрации и постепенно его осуществлять. Конечно, это невозможно без господдержки, потому что там объемы работ очень и очень большие.

Если говорить об экспозиции, то хотелось бы сделать диораму, хотелось бы сделать музей, посвященный поисковому движению России на Северо-Западе. Уже имеется весьма и весьма предварительная концепция того, как и что это будет.

Наверняка вы видели огромное количество этих музеев поискового движения – когда заходишь, гора ржавого хлама лежит, и какой-то безумный поисковик вокруг бегает и кричит, что это круто. А ведь Северо-Запад очень важен для истории отечественного поискового движения как такового, потому что оно зародилось именно здесь.

Идея следующая: взять все регионы Северо-Запада, от Мурманской области до Новгородской, и по каждому региону сделать буквально две-три самые яркие истории находок за последние 30 лет. Причем обыграть находки тоже через диорамы, например.

В Мурманской области это наши два бойца, которых нашли по немецким фотографиям. Не знаете эту историю? 24 июня 1941 года, первый бой, немецкие егеря на какую-то высотку забрались, наши их оттуда сбили, а потом немцы наших снова вытеснили…

Короче, немцы сразу понесли очень серьезные потери, но захватили двух наших бойцов в плен. А потом, как всегда, обвинили нас во всех смертных грехах, будто бы мы расстреляли немецких пленных, и сказали: а давайте в отместку этих двоих расстреляем и сфотографируем. Так и сделали, все документы в наличии.

На фото видно, что один наш боец совсем понурый, понятно, в смерти ничего веселого нет; зато второй боец стоит руки в боки, что-то немцам объясняет, видно, что он абсолютно не сломлен духом.

Поскольку там сопки и скалы, очертания места казни не изменились. На это место отправились реконструкторы, наши и немецкие, и один поисковик. Нашли этих двоих прямо там, буквально три года назад. Как их расстреляли, они так и лежали…

Представляете, нашли по одной фотографии, причем немецкой фотографии. Снимал какой-то немецкий егерь. Немцы абсолютно не постеснялись все выложить в официальной истории своей дивизии, фотографии опубликовали.

Именно через вот такие яркие истории хочется показать путь солдата домой. Не через груду хлама, не через груду ржавого железа, потому что это никому не интересно и в любом школьном музее есть, а именно обыграть – по несколько таких вот историй из каждого региона. Вот это было бы очень здорово.

Каким вы видите музей, скажем, через 5 лет?

Через пять лет, конечно, хотелось бы, чтобы был музей поискового движения, чтобы отдельно рос и развивался музей, посвященный подвигу женщин на защите Отечества, чтобы был отдельный зал по финской войне, отдельный зал по Великой Отечественной войне, и, конечно, залы по более ранним периодам истории Выборга, потому что история все-таки не ограничивается только Второй мировой.

Кстати, мы планируем с Выборгским замком, когда его закончат реставрировать, сделать такую традицию-реконструкцию: в день освобождения города утром поднимаем на замке финский флаг, потом, в 4 часа, финский флаг спускаем, поднимаем красный флаг. В память о последнем дне финского Выборга.

Конечно, надо понимать, что мы здесь, на территории бывших Центральных казарм, всего лишь пользователи, а собственник – министерство обороны РФ. Что оно нам скажет через пять лет… Но это не повод ничего не делать. Надо работать, развивать. И хотелось бы, чтобы музей стал живым центром города, потому что мы находимся в самом сердце Выборга, а сердце должно биться. Будем работать.

Последний вопрос. В вашем понимании народный музей – это?..

Народный музей – это место, куда люди несут свою память, несут экспонаты, присылают материалы. То, что народ поддерживает, то, что народу интересно. А вовсе не поступления по 20 тысяч рублей каждый месяц, на содержание.

Нет, народный – это музей, который создается совместно. Для меня крайне важен «Зал памяти», посвященный женщинам на войне. Ведь 800 тысяч женщин воевало! Наберите в поиске по картинкам «Яндекса»

«женщины в Великой Отечественной войне», там иллюстраций выскочит нереальное количество.

Но просто скачать с «Яндекса», потом распечатать и разместить на стендах музея – это не слишком интересно. Мы кинули клич: ваша бабушка или прабабушка воевала, пришлите ее фотографию военную, отсканируйте и хоть два абзаца напишите. Мы все распечатаем за свой счет и разместим за свой счет – милости просим.

Тем самым вы не только поможете нам создать экспозицию, но и выкажете уважение, бабушку свою вспомните. Да, это своего рода музейный краудфандинг. Знаете, нам часто приносят предметы, которые кто-то собирался выкинуть. Например, платье подлинное времен войны. Спрашивают – заберете? Конечно, заберем. А некоторые вещи, что нам приносят, я брать отказываюсь, говорю, нет, это должно остаться у вас в семье. Это семейная реликвия, а не музейная. Вы лучше пришлите фотографию, мы ее у себя наклеим, и этого достаточно. Вот это мы считаем народным музеем.

К содержанию

ЕВГЕНИЙ ГАЛУШИН (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

«Реконструкция – слишком многозначный термин...»

Евгений Сергеевич Галушин – руководитель межрегиональной общественной организации «Доблесть веков».

Расскажите, пожалуйста, о своей организации, о направлениях ее деятельности.

Общественная организация «Доблесть веков» на протяжении трех последних лет активно работает в Санкт-Петербурге. Основная цель нашей организации – содействие популяризации развития исторической реконструкции и исторического фехтования.

Мы поддерживаем и организовываем мероприятия в Санкт-Петербурге и в Ленинградской области. Подавляющая часть наших мероприятий – это турниры спортивной направленности, которые сейчас популярны и активно развиваются.

Мы представляем зрителям исторический средневековый бой. Это направление исторической реконструкции XIV–XV веков, оно сформировалось в самостоятельное движение. Там значительно меньше реконструкции, зато больше спорта, ребята участвуют в турнирах, в международных соревнованиях.

Другое направление нашей деятельности – организация различных исторических фестивалей. В основном, конечно, мы организуем мероприятия по четырнадцатому и пятнадцатому векам. В рамках «возрождения» пятнадцатого века мы проводим конный турнир на фестивале «Битва на Неве» в Петропавловской крепости. В рамках «возрождения» четырнадцатого века участвуем в фестивале в Выборгском замке. В прошлые годы делали фестиваль в Ивангородской крепости.

Отдельным направлением, очень важным для нас, является работа с молодежью – гражданско-патриотическое воспитание. Мы проводим много занятий с детьми в школах, уроков живой истории.

Это известный всем реконструкторам формат – когда члены военно-патриотических клубов различных эпох приходят в школы и читают интересные лекции с погружением в историю, показывают ребятам снаряжение, дают возможность потрогать все предметы, доспехи, костюмы, и примерить.

Мы стараемся заинтересовать подростков всем этим и привлечь их в петербургские секции, которых в городе достаточно много, в секции исторической реконструкции, исторического фехтования.

В последние годы новым для нас направлением стала поддержка российской федерации ассоциации HEMA – это английская аббревиатура Historical European Martial Arts.

По сути, это историческое фехтование в широком смысле слова, одновременно и спортивное, и историческое: ребята изучают различные фехт-буки, исторические справочники, осваивают техники фехтования.

Это направление привлекательно тем, что оно сравнительно дешево для ребят, которые хотят им заниматься. Используются именно спортивные маски, клинки; а основная, скажем так, «фишка» как раз в вооружении: оно не стандартное, не классическое фехтовальное, а историческое или приближенное к историческому – мечи, шпаги, сабли и прочее.

Направление активно развивается в последние годы, в Санкт-Петербурге уже, по-моему, четыре школы подобного фехтования.

Спортивная фехтовальная рукоять имеет мало общего с историческим эфесом шпаги…

Да, спортивное фехтование – олимпийский спорт, а нас интересует больше, конечно, исторический аспект.

Какое из перечисленных направлений деятельности представляется вам наиболее сложным в реализации и почему?

Самое важное – привлечение молодежи в наше движение. Ведь движение стареет, и нужно привлекать молодежь, оторвать подростков от компьютеров и привлечь к исторической реконструкции, к истории, дать им историю в руки.

В Петербурге мы активнее всего работаем в Калининском районе – так исторически сложилось, что у нас главная база есть на территории Калининского района, нас поддерживают и районная администрация, и муниципальные образования.

Если брать общегородской масштаб, то можно вспомнить зимний фестиваль «Рекон», который мы проводили. Очень интересный проект для нас, мы постарались собрать вместе представителей всех эпох – насколько смогли, конечно, при подготовке к фестивалю постарались, чтобы участники перезнакомились, плотно между собой пообщались.

Лично для меня открытием было то, что количественно и качественно выросла «античность». «Римлян» очень много у нас в городе – тех, кто занимается реконструкцией Древнего Рима, – и «греков» тоже.

Не побоюсь сказать, что фестиваль «Рекон» – уникальный проект. Мы проводили его в корпусах «Ленэкспо» на Васильевском острове. Сложное было мероприятие с точки зрения организации, зато очень интересное.

Мы ставим перед собой задачу помогать, содействовать. Берем на себя, естественно, некоторые моменты организации фестивалей, но как-то глобально объединить среду, что называется, под собой – такой цели мы не ставим.

У нас собственное направление, которое мы объединяем, – это исторический средневековый бой (ИСБ). Тут спорт, тут конкретные, четкие регламенты, турнирная сетка, и мы этим занимаемся. Причем наша организация работает на федеральном уровне, то есть мы помогаем другим регионам организовывать турниры и мероприятия ИСБ.

А как вы приходите в школы?

Бывают заказы от муниципальных образований. Есть школы, с которыми мы исторически сотрудничаем, например, 138-я школа в Калининском районе.

Если действуем сами, то обычно приходим к директорам, предлагаем проведение уроков живой истории. Зачастую не требуется обязательно выбивать какие-то дополнительные деньги, потому что у реконструкторов свой интерес – детей набирать в свои секции и клубы.

Вот на базе подростково-молодежного клуба «Олимп» развивается потихоньку центр, объединяющий много разных направлений исторической реконструкции, от Древней Греции до ИСБ и фехтования. Они по весне начинают набор учеников, с конца апреля объезжают расположенные рядом школы, знакомятся с директорами, с завучами и предлагают в рамках набора в секции проводить уроки живой истории, показательные выступления на 1 сентября и так далее.

И каков отклик?

Честно? Пятьдесят на пятьдесят. Есть школы, которые сразу идут навстречу, а есть те, кому это неинтересно.

Например, специализированные школы с углубленным изучением каких-либо предметов – у них и без того расписание забито. В последнее время во многих школах созданы системы дополнительного образования – все дети, которые учатся в конкретной школе, расписаны по секциям и кружкам, все охвачены; тут очень непросто вклиниться и доказать, что наше

направление интереснее, чем, допустим, судомоделирование.

А сами школьники как реагируют?

Ребята идут к нам охотно, охотно занимаются. Посмотрим в сентябре этого года, насколько мы сможем заинтересовать школьников тем объединяющим клубом, о котором я упоминал.

Многие клубы исторической реконструкции работают с теми, кому 18 и старше, а у нас есть отдельные секции, которые работают с ребятами от 14 лет.

Кстати, в Москве, насколько я знаю, ребята занимаются и с шести лет. Еще в Москве сейчас открыли направление работы с детьми, у которых проблемы со здоровьем, то есть с инвалидами.

Мы предлагаем фехтование на спортивном, мягком снаряжении: спортивный меч, современный мечевой бой. Это очень здорово и интересно – заниматься с ребятами с младшего возраста. Мягкое снаряжение, спортивная экипировка, возможность фехтовать без травм.

Если бы в нашем детстве, когда я сам начинал этому учиться, такое было! Сегодня разработаны программы, методические указания, выстроена система, и спортивные федерации – по мечам, их две в России, – стремятся зарегистрировать мечевой бой как вид спорта. Думаю, рано или поздно этот момент наступит.

Данное направление молодежного спорта имеет, как мне кажется, большие перспективы. А для нас оно является подготовкой к историческому средневековому бою. Мы стараемся выстроить работающую систему, с методичками, с соблюдением техники безопасности, с подготовленными педагогами, семинарами для педагогов и так далее. Это важно, и мы тратим на это очень много сил и времени.

Чего все-таки больше в том, чем вы занимаетесь, – спорта или исторической реконструкции?

Скажу честно, «реконструкция» – размытое понятие. Сам термин «историческая реконструкция» не имеет четкого определения, представители каждой «эпохи» толкуют его по-своему.

С одной стороны, историческая реконструкция, например, наглядно демонстрируется через восстановление событий Великой Отечественной войны. Реконструируется какая-

то конкретная битва – танки, пехота, самолеты, понятно, что в уменьшенных масштабах.

А для нас реконструкция – это, скажем, конно-рыцарский турнир, который мы проводим на фестивале «Битва на Неве»; мы реконструируем костюмы, правила, маршалов, судейство, команды… Лагеря полевые, которые клубы выставляют, различные площадки, четырнадцатый, пятнадцатый века, и раннее Средневековье. То есть это погружение в историю.

Мы стараемся сделать так, чтобы все клубы, с которыми мы сотрудничаем на наших мероприятиях, скажем так, мультивековых, ставили свои площадки, где пришедшие поглазеть люди могли бы пообщаться, посмотреть, что это такое. И, может быть, вступить в клуб. Нам хочется, чтобы как можно больше людей вступало в наше сообщество.

Какого уровня достоверности погружения в историю вы добиваетесь? Известно, что одни клубы допускают использование современных материалов, а другие требуют чуть ли не гвозди ковать…

Все сильно зависит от эпохи и от направления. И от клуба, естественно. На том же джосте – конно-рыцарском турнире – историческая подлинность максимальна, насколько это возможно: доспехи, клепаные кольчуги, поддоспешники, все оружие, его вес – мы стараемся максимально соблюсти правдоподобие и соответствовать историческим реалиям.

В то же время спортивное направление, исторический средневековый бой, предусматривает скрытую защиту для паха, шеи, других уязвимых мест, и от истории мы тут, конечно, достаточно сильно отступаем. Но человек со стороны вряд ли заметит, если он не историк, который занимается четырнадцатым веком.

Те, кто воссоздает раннее Средневековье – мы, к примеру, плотно с клубом «Черный ворон» работаем, – добиваются предельной аутентичности: домотканое сукно, вручную покрашенное и сшитое…

Имеется ли какая-либо статистика по числу участников и зрителей фестивалей?

Мы стараемся подсчитывать количество зрителей. В целом за последние годы количество военно-исторических мероприятий в Санкт-Петербурге и по России, выросло в разы.

Когда я начинал заниматься реконструкцией, в 2005 году, было 2–3 основных фестиваля в год, «Русская крепость» в Кореле, «Выборгский замок», потом появился фестиваль в Изборске. Три основных мероприятия – и все.

А сейчас, наверно, чуть ли не каждые выходные проходят фестивали. Причем эти фестивали поддерживаются бюджетами. В Казани очень большой фестиваль проходит, в Туле, в Твери, в Подмосковье огромное количество мероприятий.

Само количество фестивалей выросло – о чем это говорит? Что зрителям реально нравится посещать эти мероприятия. Я слежу за

реакцией зрителей, когда мы сами проводим фестивали.

Взять, хотя бы, маленькое, локальное мероприятие – кубок Александра Невского в Калининском районе Петербурга: ежегодно собираются тысячи людей, которым интересно, которым нравится. Им нравятся интерактивные площадки, нравятся рыцари, пешие бои, конные бои – и просто люди, ходящие в костюмах, и ярмарки интерактивные.

Какие-нибудь конкретные цифры назовете?

На том же кубке Александра Невского – около 4 тысяч человек. На «Битве на Неве» – от 8 до 15 тысяч человек.

Какие мероприятия в Санкт-Петербурге и Ленинградской области считаются основными?

Городской фестиваль только мы такой большой проводим – это «Битва на Неве» в Петропавловке. Еще есть «Легенды норвежских викингов», тоже в Петропавловке. Еще есть старейший и интереснейший отечественный фестиваль – «Русская крепость» в Кореле. В Выборгском замке ежегодно проводятся мероприятия. В Ивангородской крепости были фестивали несколько лет подряд, но в этом году фестиваль состоится в Нарве. Может, когда-нибудь осуществится идея совместного фестиваля одновременно в двух крепостях.

Какие эпохи охватывают клубы исторической реконструкции?

Среди тех, с которыми мы сотрудничаем, это античность и раннее Средневековье. К слову, эта эпоха весьма популярна – викинги, скандинавы, варяги, много фильмов и сериалов на эту тему.

Далее – тринадцатый век, хотя им мало кто по-настоящему занимается. Там как раз реконструкция, гораздо меньше боевого взаимодействия, чем у нас, в четырнадцатом веке и ИСБ. Быт, походы, исторические соревнования по созданию вещей, печь, скажем, построить. То же относится и к пятнадцатому веку.

А вот четырнадцатый, получается, выделился в отдельное направление. Повторюсь, что мы не столько историю воссоздаем, сколько техники боя, а в пятнадцатом-шестнадцатом столетиях увлекаются исторической правдой. Если подходить серьезно, придирчиво, покупать те же самые ткани, материалы, которых просто так не найти, – все в изрядную копеечку влетает. Семнадцатое столетие активно развивается. У нас в России и стрельцы есть, и ландскнехты – в основном, правда, это Москва и Тула.

Дальше, наверное, массовая эпоха – наполеоновские войны. Одна из старейших реконструкторских эпох и, возможно, одна из самых массовых. Дальше, думаю, идет Первая мировая. А за нею, конечно, Великая Отечественная война.

Кончается все Второй мировой?

Наверное, да. Я, честно говоря, к нашему движению военно-историческому в том числе отношу ребят, которые занимаются страйкболом.

Есть такое направление – айрсофт, или страйкбол: это тоже историческое ролевое моделирование. В страйкбольном движении занимаются Вьетнамом и Афганистаном, реконструируют форму, снаряжение, оружие того периода. Наиболее популярны, естественно, современные армии; Европу, США и российскую армию, естественно, делают наиболее массово.

Я считаю, что страйкбол – та же самая реконструкция, костюмы, снаряжение, массовые выезды на мероприятия. По количеству участников, кстати, страйкбол значительно больше людей собирает. Полторы-две тысячи человек могут на полигоне взаимодействовать друг с другом.

Это направление поддерживается государством – есть мероприятия, на которых танки, пушки, БТРы, самолеты и вертолеты задействованы по полной программе. Чем не реконструкция?

Такое зрелище интересно и понятно, близко, в общем-то, любому современному человеку, тем более современной молодежи, которая в компьютерные игры играет. В принципе у этого направления большие перспективы в рамках патриотического воспитания, допризывной подготовки. ДОСААФ сотрудничает со страйкбольными организациями, поддерживает их мероприятия.

От «типовых» реконструкций страйкбольные бои отличаются только тем, что эти мероприятия практически не посещают зрители, что они, грубо говоря, закрытые. С

другой стороны, при таком количестве участников-страйкболистов… В Ростове-на-Дону, например, полигон пять на пять километров, есть где развернуться.

В этом смысле можно сказать, что историческая реконструкция как реконструкция для зрителей ограничивается именно Великой Отечественной войной?

Опять это слово «реконструкция»… Мы его обычно стараемся избегать, потому что, повторюсь, это очень многозначный термин. Очень неоднозначный…

Есть военно-историческое движение, оно большое, разнообразное, от древних греков до современных страйкболистов. Здесь важно прежде всего общение, атмосфера дружеская, общее хобби, дружба. Остальное вторично.

Сколько, по-вашему, человек занимаются возрождением военной истории в Петербурге?

Сложный вопрос… Приблизительно тысяча, а если брать все эпохи и направления, то несколько тысяч человек. Движение очень живое, оно постоянно меняется, развивается, направления отделяются друг от друга, новые возникают. И мероприятий стало много, теперь намного сложнее выбирать, куда поехать. На выбор – Белоруссия, Москва, Тверь или Калининград – куда ехать? Это сказывается на количестве участников, люди ведь не могут разорваться.

За последние годы в рамках сотрудничества с международной ассоциацией HMBA, Historical Medieval Battle Association, которая курирует спортивное направление, активизировались контакты с иностранцами. Они к нам постоянно ездят, а мы к ним: недавно был турнир «Олд Таллин Кап», там выступали две наши команды, команды из Беларуси и со всей Европы. На той же «Битве на Неве» обычно большое количество иностранных участников.

Откуда из-за рубежа приезжают на этот фестиваль?

В Петербург в основном едут финны и прибалты. Эстония, Латвия и Литва – наши самые частые гости. На следующем месте, наверно, французы, они достаточно часто к нам ездят, итальянцы, испанцы… Вообще «Битва на Неве», получается, самый массовый фестиваль для всего Северо-Запада. Почему? Потому что площадка шикарная – Петропавловская крепость, и всем интересно в Петербург приехать.

А что в Пскове происходит?

В Пскове проводят ежегодный фестиваль в Изборской крепости. Но туда в последнее время стали меньше ездить, чем в 2011–2012 годах, когда фестиваль только появился. Изборск – одна из красивейших крепостей на Северо-Западе, потрясающее место.

С какими-либо организациями на постоянной основе вы не сотрудничаете? Не выставляетесь, например, как своеобразная часть экспозиции какого-нибудь музея?

Регулярно – пока нет. Но активно работаем над этим. Недавно общались с администрацией Калининского района, сейчас планируем сделать постоянную площадку. Подобные площадки уже есть в Ленинградской области.

Это очень популярная сегодня тема. Есть деревня викингов Сваргас – туда автобусами возят детей; там выставка, крепость деревянная, своя программа. Похожий проект есть в Калининграде: клуб «Западная башня» строит средневековую деревню, историческое поселение. В Подмосковье еще такие площадки есть.

В Европе очень много подобных площадок, это говорит о том, что у них есть перспективы. Самый главный вопрос – финансовые вложения. Если люди постоянно присутствуют, как на работе, значит, надо им платить. На энтузиазме долго не протянешь. Проект должен самоокупаться, либо иметь государственную или спонсорскую поддержку.

Детишкам и прочим зрителям интереснее всего именно интерактивные площадки. Потому любой фестиваль, где бы он ни проводился, это интерактивные площадки, на которых зритель может реально соприкоснуться с историей – из лука пострелять, метнуть копье, доспех надеть, к палачу встать в колодки, и так далее.

На последнем фестивале мы сделали детский тир – деревянную крепость с фигурками. Дети стреляли. Очередь стояла, детям очень понравилось. По-моему, вот такие проекты и надо развивать – и научиться делать так, чтобы их можно было выставить, чтобы они окупались.

Плюс, на всех наших мероприятиях мы очень много сил, времени и ресурсов тратим на организацию шоу-программы для зрителей. Помимо всех боев, рыцарей, конников, всадников, доспехов, интерактивов, важно наличие музыкальных коллективов и других артистов.

Чтобы зритель заинтересовался, надо вокруг него сделать все пестрым, завлекательным. И шоу-программы тут – очень важная составляющая, в которой, кстати, есть элемент приобщения к старинной культуре, поскольку музыка звучит аутентичная, тех эпох, которые мы воссоздаем.

Кроме музыки, стараемся кормить по «правильным» рецептам, так сказать, рыцарские пиры устраиваем – пока только для участников, не для всех желающих, увы.

Для зрителей же организуются всевозможные мастер-классы, в том числе по средневековым и дворянским танцам.

А какова практическая отдача от этих интерактивных площадок и мастерских на фестивалях? Приходит ли кто-то после них записываться в клуб?

Конечно, подавляющая часть зрителей приходит просто отдохнуть. Но мы на своих площадках делаем упор на секции-студии – ребята, этим всем можно заниматься всерьез! Например, родители с ребенком пришли на площадку фехтования мягкими палками, и есть некая вероятность, что ребенок хотя бы на одну-две тренировки придет в клуб позаниматься.
С мастерскими сложнее. Мы выставляем постоянно кузницу, люди сами выковывают себе гвоздь или подкову и идут домой довольные, но нет, к сожалению, пока таких мастерских, куда можно массово людей пригласить…

В некоторых клубах, знаю, выделяют отдельные помещения под мастерские – по коже, по раскрасу старинному. На данный момент это,

пожалуй, все. При этом мы сами кровно заинтересованы в развитии мастерских – чтобы не заказывать вещи на стороне, а самим делать.

К слову, в нашей программе обучения треть отведена на работу руками. К сожалению, пока в Петербурге нет такого оупен-спейса, куда бы каждый мог прийти и самому что-то старинное сделать.

Даже по терминологии – джостинг, бугурт и прочее – понятно, что в значительной степени мода на историческую реконструкцию пришла с Запада. А есть ли, скажем так, внутренний интерес? Или тут сказывается романтическое представление о рыцарстве и европеизированном средневековье?

Для большинства участников важен конкретный образ, им нравится доспех или костюм. Но да, исторически так сложилось, что воссоздается европейский доспех, европейское оружие, европейский стиль боя. Помимо всего прочего, европейский доспех, исторический, гораздо лучше защищает, чем русский или татарский.

На Руси не было перчаток, практически не было защиты голени, вообще защиты ног. Были корпусные доспехи. Выходишь в бой, у тебя полуконтактное сражение, незаточенным оружием, конечно, но все равно больно. Поэтому европейский доспех.

И еще цена повлияла. Пять-семь лет назад, когда все начиналось, сделать европейский доспех стоило куда дешевле, чем русский. Та же самая чешуя значительно дороже бригантины из наклепанных железных пластин. В два раза, грубо говоря.

Так что это не рыцарская романтика или еще что-то, во многом это экономика и вопросы техники безопасности.

Насколько велик общественный интерес к подобного рода занятиям?

Люди регулярно приходят в клубы – в те клубы, которые дожили до наших дней. Значит, если этот клуб существует, значит, ребята работают над тем, чтобы привлекать новичков, не замыкаться в себе.

Нужен маркетинг, со всеми современными технологиями – нужно иметь группу «ВКонтакте», нужно ее раскручивать, нужен сайт, нужно регулярно проводить набор, работать со школами.

Ведь у современной молодежи – огромный выбор, делай, что хочешь. Уже наблюдалась некоторая стагнация, даже сокращение количества участников. Сейчас потихоньку растем.

Но все очень сильно зависит от клуба. Если клуб реально работает, если у него есть зал, регулярные тренировки, тогда будут и новички.

А если нет клубного помещения, нет зала, только спонтанные встречи в парке, современный человек в такой клуб не пойдет. Ему нужны комфортные условия.

Киношники к вам, к реконструкторам, обращаются?

Да, регулярно. Были съемки фильма «Александр. Невская битва», там практически все ребята из Петербурга участвовали. Естественно, реквизит запрашивают, на все эпохи, к которым привлекают реконструкторов.

Увы, некоторые фильмы, честно говоря, смотреть просто невозможно, с точки зрения исторической достоверности. Вроде бы деньги огромные потрачены, а результат сомнительный…

Вот это печально. Лучше бы почаще привлекали реконструкторов, потому что мы – специалисты. Особенно опытные ребята, с историческим образованием, которые все до мелочей знают.

Да, наверное, с позиции режиссера снято так, как ему понравится, но мне кажется, правильная историческая вещь не может быть некрасивой.

.

Историков вообще много среди реконструкторов?

Старшее поколение. Среди тех, кто это дело начинал, очень много людей и с историческим образованием. Наше поколение, следующее, уже послабее. Мы больше интересуемся частностями, войной или какими-то бытовыми мелочами, но все равно историки попадаются.

Литература по тематике – в основном европейская. Но и российская стала появляться. Конечно, книги издаются преимущественно малыми тиражами. Все-таки реконструкция – весьма специфичная область.

Книжку, например, в сто страниц, посвященную обуви четырнадцатого века, вряд ли будут активно покупать при обычном распространении.

Однако несколько лет назад вышла очень хорошая книга, «Всадники войны», за авторством Дмитрия Коровкина и Клима Жукова – известных людей в среде реконструкторов. Эта книга интересна и обычному читателю, в ней иллюстраций много и

написана она хорошо.

В завершение хотелось бы спросить вот о чем. Не секрет, что успешность любого проекта измеряется в том числе его известностью в медийном пространстве. Как вы оцениваете свою успешность по этому параметру сейчас? Можно ли кратко охарактеризовать изменения в отношении прессы к деятельности «Доблести веков» за годы существования проекта?

За последние три года произошли серьезные изменения работе со СМИ. Во многом благодаря крупным проектам, таким как «Битва на Неве», к нам стали приезжать телеканалы, журналисты различных изданий. На небольшие турниры приезжают районные СМИ. Также мы уделяем большое внимание информационной работе в социальных сетях. Отношение прессы изменилось в целом в положительную сторону – и к движению исторической реконструкции как таковому, и к мероприятиям и проектам «Доблести веков».

Что касается каналов распространения информации, то сегодня, на мой взгляд, наиболее близкими и значимыми для широкой публики являются интернет-СМИ. Публикаций никогда не бывает достаточно, мы стараемся каждый год привлекать все больше СМИ к нашим проектам. Журналисты охотно откликаются, и отсюда логичный вывод – то, чем мы занимаемся, интересно и востребовано.

К содержанию

ОЛЬГА ГОЛУБЕВА (ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Главная задача – чтобы турист захотел приехать

Ольга Леонидовна Голубева – и. о. руководителя государственного бюджетного учреждения Ленинградской области «Туристско-информационный центр».

Государственное бюджетное учреждение Ленинградской области «Информационно-туристский центр» – организационная единица при Комитете Ленинградской области по туризму; изначально она создавалась – уже достаточно давно – как туристская структура, еще при Комитете по спорту и молодежной политике, потом была подведомственным учреждением Комитета по культуре, а после образования Комитета Ленинградской области по туризму вошла в структуру последнего.

Наша основная задача – это информационная поддержка туризма в Ленинградской области, продвижение ресурсов региона на внутреннем и международном уровне. Создание образа, благоприятного для развития туризма в области, и, конечно же, рассказ обо всех достопримечательностях.

Наша задача – сделать Ленинградскую область известнее и доступнее, сделать так, чтобы туристы захотели сюда приехать – наши «внутренние» туристы, в первую очередь,и туристы иностранные. Это – главная задача.

Насколько можно судить, Информационно-туристский центр координирует деятельность локальных центров в районах области?

Да, но на самом деле локальных центров не так много, они распределены по области неравномерно. В основном они находятся в самых посещаемых городах Ленинградской области.

Кроме бюджетных организаций существуют и коммерческие туристско-информационные центры: они бесплатно предоставляют туристскую справочную информацию и предлагают туристско-экскурсионные услуги на коммерческой основе.

В Выборге имеется два информационно-туристских центра, и они оба востребованы, в связи с большим потоком туристов в этот город. А в Бокситогорском районе, к сожалению, информационно-туристского центра нет.

Конечно, хотелось бы, чтобы в любом городе области можно было зайти в информационно-туристский центр и получить нужные сведения. Наверное, за этим будущее. Думаю, это дело времени, с продвижением туристских ресурсов области и популяризации их среди туристов потихонечку будет подтягиваться инфраструктура.

На сегодняшний день туристам, безусловно, не хватает информации. А еще требуется подготовить эту информацию таким образом, чтобы она была актуализированной и доступной.

Если районировать территорию области, понятно, что Выборг, Ломоносовский район, Гатчинский и Бокситогорский сложно сравнивать с точки зрения достопримечательностей.

Знаете, это спорно. Ведь все можно показать. И вопрос продвижения связан именно с подачей территории и обеспечением ее доступности.

До тех пор, пока мы не будем продвигать конкретные территории, люди будут считать, что в том или ином районе ничего нет. Я бывала во многих странах, видела, как продвигают совершенно, на наш взгляд, тривиальные вещи.

Понимаете, Ленинградская область очень разнообразна. У нас есть природа, у нас есть Ижорское плато, Балтийский кристаллический щит, водопады, пещеры. Почему бы не показать туристам болото и лес? Линдуловскую рощу мы, конечно же, показываем, и Вепсский Лес. Но мы можем показать также реки, озера. То, что способно стать достопримечательностью.

В последнее время, например, Ладожское озеро пользуется большой популярностью среди китайских туристов, которые приезжают на территорию Ленинградской области. Они едут по Дороге жизни, прибывают к «Разорванному кольцу» и, совсем рядом с Петербургом, смотрят Ладожское озеро. Ладога у них вызывает неподдельный интерес и сейчас входит в список объектов, обязательных для посещения.

А знают ли китайские туристы, допустим, о Шлиссельбурге?

Мы активно работаем с рынком Юго-Восточной Азии, за последнее время информационно-туристский центр участвовал в двух туристских выставках в Китае – в ноябре была выставка в Шанхае, в июне выставка в Пекине. Мы вывозили туда абсолютно все материалы, которые у нас есть. Популярны были

традиционные карты Ленинградской области с маршрутами «Серебряного ожерелья». Плюс «красный маршрут» по революционным, ленинским местам, который проходит по Карельскому перешейку.

Интерес китайцев очень большой. Материалы расходятся моментально. Спрашивают, интересуются территорией Ленинградской области, в том числе и Шлиссельбургом.

Наша область – та территория, где сохранилось наибольшее количество крепостей, причем наши крепости совершенно разноплановые, от шведских до русских, имеют разную стилистику, разную архитектуру, возведены в разные исторические периоды.

Уже прозвучало несколько ремарок о близком соседстве с Петербургом. Насколько оно сказывается, преимущество это или недостаток? Существуют ли совместные туристические программы Санкт-Петербурга и Ленинградской области?

Любой турист не мыслит туризм границами. Ленинградская область органично соприкасается с Санкт-Петербургом. Турист мыслит направлениями в желании увидеть те или иные достопримечательности. Он берет информационные ресурсы, делает себе мысленный набросок поездки - хочу в Санкт-Петербурге увидеть то-то и то-то. А почему бы мне не съездить в Выборг из Санкт-Петербурга?

Поэтому, безусловно, Санкт-Петербург – точка, из которой чаще всего турист отправляется для знакомства с Ленинградской областью.

С Санкт-Петербургским туристско-экскурсионным бюро мы плотно сотрудничаем. В любом информационно-туристском центре города можно получить карту Ленинградской области и полезную информацию по области. Мы регулярно отправляем все эти материалы, чтобы турист знал, что за городом есть Ленинградская область. Разрабатываем совместные маршруты по приоритетным направлениям туризма.

Вот уже несколько лет развитие внутреннего туризма в России мыслится крупномасштабными проектами, которые объединяют территории между собой. Это межрегиональные проекты.

Для Северо-Запада приоритетным для развития является проект «Серебряное ожерелье», в который входит 11 регионов Северо-Запада России. На территории области разработано 10 маршрутов проекта «Серебряного ожерелья», и каждый маршрут начинается в одном регионе и продолжается в других.

Как правило, большинство маршрутов начинается в Санкт-Петербурге, проходит через Ленинградскую область и затрагивают какой-либо совместный регион.

Уже можно говорить, что север России – это «Серебряное ожерелье»? Что этот зонтичный бренд сформировался?

«Серебряное ожерелье» – это не только север, этот проект охватывает весь Северо-Запад России и соединяет совершенно уникальные территории 11 регионов России.

На всех туристских выставках мы выступаем единым стендом и продвигаем все наши многочисленные достопримечательности, которые, как жемчужины, вместе образуют ожерелье туристских маршрутов. Каждый регион делает у себя собственные маршруты, но они продолжаются в другой регион.

Самое главное, чтобы турист ощущал, что он находится внутри «Серебряного ожерелья». Маршруты очень удобны для группового туриста, но и современный турист в формате индивидуального путешествия получает массу интересного в рамках большого проекта, который называется «Серебряное ожерелье».

Что касается локальных маршрутов по области, большинство из них относится к однодневные?

Если у нас турист-экскурсант, если это близлежащие пригороды, маршруты однодневные.

Но есть маршруты, которые за один день невозможно проехать. Если мы возьмем Подпорожский район, Лодейное Поле, то за один день их туристу не осилить. Надо выделять два-три дня.

Поездку по святым местам турист начинает из Санкт-Петербурга, посещает Тихвин, Антониево-Дымский монастырь, Сомино, а дальше едет в Вологду, в Кирилло-Белозерский монастырь. Что-то осматривает по дороге туда, что-то по дороге обратно.

Одна из характеристик современного туриста – увеличение его мобильности и скорости передвижения. Наша задача – показать ему регион во всей полноте с учетом этой особенности.

Расскажите, пожалуйста, о программах приграничного сотрудничества.

Таких проектов у нас много. Мы работаем со всеми приграничными территориями Ленинградской области. Финляндия, Эстония, также есть совместный проект с Латвией.

С Финляндией проектов больше всего. Первый проект – это «Через границу сквозь века». Мы выступаем консультантами, экспертами. В этом проекте в основном участвуют негосударственные военные музеи Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Финляндии. Маршрут проходит по пограничным районам Финляндии и охватывает деятельность А. В. Суворова, шведский период и военные события на этих территориях.

Дальше есть проект под названием «Санкт-Петербург – Сайма», это так называемый «туристский коридор», который ориентирован на туристов, прибывающих в Санкт-Петербург из Юго-Восточной Азии и желающих познакомиться с туристскими ресурсами природоориентированного туризма. Это Карельский перешеек и, со стороны Финляндии, озеро Сайма. Маршрут включает в себя три региона – Санкт-Петербург, Ленинградскую область и приграничный регион Сайма.

Почему «коридор»? Это особые условия прохода через границу, особые бонусы для тех туристов, которые путешествуют таким образом.

Следующий проект называется «Ради Вуоксы». Соответственно, это создание и благоустройство экологических маршрутов. Вуокса вытекает из озера Сайма, течет по территории Финляндии, по территории Карельского перешейка Ленинградской области. Маршрут предусматривает совместное экологическое проектирование.

Еще один «финский» проект – это «Biz-cikle», трансграничные велосипедные маршруты, которые будут способствовать развитию предпринимательских инициатив по обе стороны границы – от Котки до границы и дальше по территории Ленинградской области, а также велосипедные маршруты по Карельскому перешейку.

С Эстонией у нас стартует проект «По берегам реки Наровы», направленный на улучшение инфраструктуры и повышению качества обслуживания на приграничной территории Эстонии и России. Это организация и продвижение, событийных мероприятий, которые будут привлекать туристов с одной и с другой стороны в приграничный регион.

Также с эстонской стороной у нас есть проектная инициатива под названием «Via Hanseatica». Маршрут, который проходит через северные страны, по ганзейским торговым путям, от Любека и дальше. Это достаточно крупный международный проект, он затрагивает ближайших наших соседей, Эстонию, Латвию и Литву, и проходит до территории Ленинградской, Псковской и Новгородская областей.

А что имеется в виду под приграничным сотрудничеством с Латвией?

С Латвией мы сотрудничаем, скажем так, через «посредника» в лице Псковской области. На сегодняшний день мы сталкиваемся с тем, что иностранный турист, которому интересен Санкт-Петербург, далеко не всегда прилетает в Пулково. Он прилетает в Хельсинки, в Таллин или в Ригу.

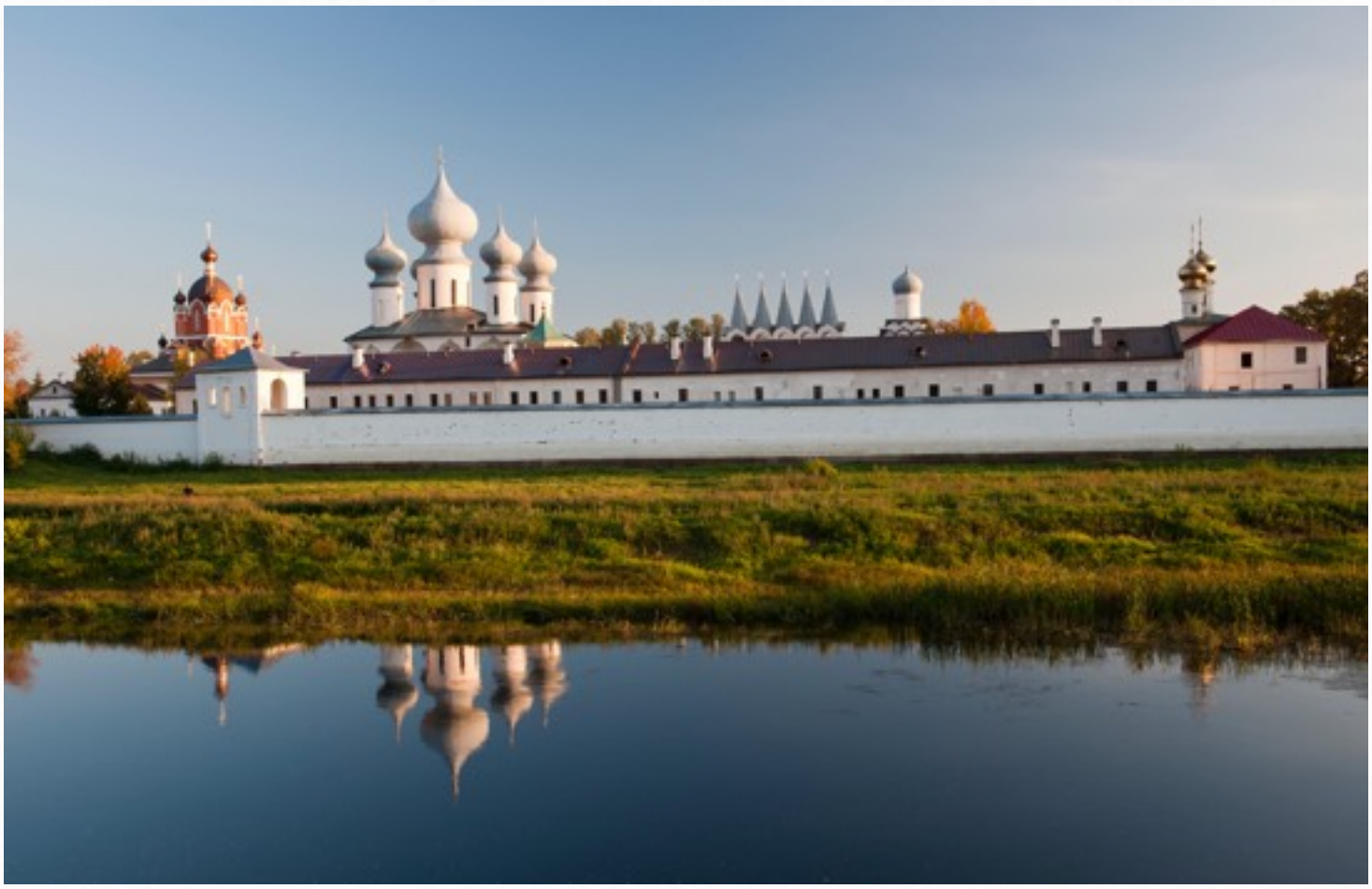
Почему он выбирает эти города? Рига, Вильнюс, Таллин – это бюджетные авиалинии. Там встречает автобус, и оттуда туристы едут в Санкт-Петербург; то есть налицо межрегиональный маршрут, который пролегает, если ехать из Риги, через территорию Псковской и Ленинградской областей. Но сегодня большинство таких туристов оказываются просто транзитными. Это неправильно.

Их надо привлекать – привлекать местами размещения, точками интереса, достопримечательностями. Нужно им все показывать. То есть разрабатывать совместные маршруты, чтобы турист стремился не только в свою конечную точку, но и задерживался по дороге. Именно поэтому приграничное сотрудничество интересует и латвийскую сторону. Туристам можно предлагать питание по дороге, различные интерактивы, начиная от музеев и заканчивая мастер-классами.

Можно немного уточнить относительно «красном» маршруте, о котором упоминалось выше?

«Красный маршрут» – это совместный проект, маршрут, который от Ульяновска через Москву тянется до Санкт-Петербурга и проходит по территории Ленинградской области, с посещением историко-этнографического музея-заповедника «Ялкала» и г. Выборг. Это маршрут, связанный с деятельностью Владимира Ильича Ленина. Его фигура вызывает большой интерес у туристов из Юго-Восточной Азии.

В текущем году, кстати, интерес увеличился в связи со 100-летием Октябрьской революции. Плюс частично имеется интерес со стороны Финляндии, потому что грядет празднование 100 лет независимости Финляндии. Ведь благодаря В.И. Ленину страна получила независимость. Мы организовали информационный тур для туроператоров, которые работают с Юго-Восточной Азией. Они поначалу скептически отнеслись к «красному маршруту», но проехали по этим местам и теперь рассказывают о том, что открыли для себя много нового. Когда нам перестали говорить о Ленине, о революции, ушел целый пласт истории области. А ведь это – наша история, неразрывно связанная с историей страны.



Насколько велика практическая отдача от проведения дней Ленинградской области в Москве?

Дни Ленинградской области в Москве – это общий проект правительства области, и каждый комитет представлял в Москве свое направление. Комитет Ленинградской области по туризму и Информационно-туристский центр проводили «круглые столы» в здании

правительства Москвы 12 мая. На встречу пришли туроператоры Москвы, которые заинтересованы в том, чтобы отправлять туристов не только в Санкт-Петербург, но и в Ленинградскую область. Вопросов было очень много. Материалы разобрали буквально до последнего буклета.

Москвичи Ленинградскую область знают мало. Их интересует Старая Ладога, интересуют Выборг, Приозерск, крепости, монастыри. А еще и интересуют водные маршруты – круизы и все, что можно посмотреть в круизах: Мандроги, Подпорожский район с деревянным зодчеством.

На Никитском бульваре с июня по июль проходила фотовыставка «Туристские ресурсы Ленинградской области». Насколько можно судить, москвичи активно ее посещали.

В завершение вопрос о создании туристического кластера в Ленинградской области. Что это такое и зачем он создается?

На сегодняшний день кластер уже существует, имеется план мероприятий, «дорожная карта» по созданию туристско-рекреационного кластера до 2018 года. Цель создания кластера – продвижение территории области. Создается кластер для гармоничного развития туристского потенциала области.

Развивается и кластер «Старая Ладога», объект туристского притяжения, столица Древней Руси. На данный момент основные объекты объединены в Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Но в этом населенном пункте сложно с размещением, так как отсутствуют в должном количестве гостиницы, недостаточно мест питания. Задача кластера – создать территорию удобную и комфортную для туриста и поддержать местных предпринимателей и привлечь инвестиции.

К содержанию

ДМИТРИЙ ПРОКОФЬЕВ (ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

«Окно» в Европу и «ворота» в небо. Как история указывает путь экономического развития

Дмитрий Андреевич Прокофьев – экономист, вице-президент Ленинградской областной Торгово-промышленной палаты (ЛОТПП).

Так уж сложилось, что окном в Европу наш регион сделал вовсе не Петр I, а сама история. Балтийское море играло для Северной Европы почти ту же роль, что и Средиземное для Южной, и на восточно-европейские равнины, отгороженные от Запада тайгой и болотами, не было иного пути, кроме как по рекам – Неве и Волхову.

Там, где пролегает торговая дорога, по земле или по воде, неизбежно должны появиться порты, перевалочные пункты, трактиры… А самое главное – там вырастают люди, умеющие найти общий язык с чужеземцем, способные быстро купить и выгодно продать, знающие чужие обычаи и законы, – то есть тот самый «творческий класс», талант и труд которого так важен для экономики новейшего времени.

Часть Европы

На протяжении столетий русские государства – Новгородская и вассальная ей Псковская вечевые республики – были полноценными частями культурного и политического пространства Северной Европы, экономически и политически связанными со Скандинавией, Литвой, Ганзейским союзом.

Благодаря этому Северо-Западную Русь можно считать такой же законной наследницей

древнебалтийской цивилизации, как Швецию, Финляндию, Данию, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию и Северную Германию.

Как замечал российский исследователь Андрей Пуговкин, «при всех спорах об исторической миссии России, на геополитических картах от Освальда Шпенглера до Збигнева Бжезинского и Льва Гумилева “Невский край” без каких-либо сомнений рассматривается как исконно европейская территория в общем ряду стран, окружающих Балтийское море».

Это видно из письменных памятников, архитектуры фортификационных сооружений, стилистики прикладного искусства, включая даже такие детали, как совершенно одинаковые каменные кресты на средневековых погостах Швеции, Эстонии, Псковской земли и запада современной Ленинградской области.

Территория между реками Волхов и Нарова, со смешанным финно-угорским (предки современных финнов, ижорцев, эстонцев, вепсов, карел) и славянским населением, связывала полуязыческую Скандинавию, католическую Ливонию и православные русские земли.

Характерно, что в древнерусских географических названиях этих мест (Ижорская земля, Водская пятина, Чудское озеро, крепость Корела и др.) как правило, упоминаются названия финских племен. Это отразилось и в скандинавских сагах, согласно которым название Ingermanland означает «Земля людей Ингигерды» – шведской принцессы, выданной замуж за князя Ярослава Мудрого и получившей в качестве приданого этот край.

Первые города

На невских берегах стояли шведские крепости вроде Ниеншанца, на Волхове варяжских гостей встречал Великий Новгород, как сказали бы сейчас, – транспортно-логистический узел, финансовый и деловой центр.

Однако Великому Новгороду предшествовала Старая Ладога – фактически первый «настоящий город» на Руси, построенный скандинавскими пришельцами по образцу и подобию своих городов, представлявших собой опорные пункты-крепости, ремесленные центры и торговые площадки.

Археологические раскопки Старой Ладоги позволили сложить из прежних мозаичных представлений о зарождении «Руси» целостную картину.

Старая Ладога стала одной из главных колонизационных факторий «Руси», через которую «шла торговля товарами и рабами» с покупателями со Среднего Востока и из Византии. Жили в Ладоге и купцы-мусульмане. Славянское присутствие в этом городе возросло лишь с IX века.

Уже в VIII веке Ладога была важным центром международной торговли. В Ладоге и на ее околицах найдено шесть кладов куфических арабских серебряных монет, в том числе самый древний клад в Восточной Европе (786 год).

В 2002 году во время раскопок части купеческого заезжего дома в слоях второй половины X века, рядом с 2500 зелеными бусинками (явно какой-то торговой партией), найдена вставка перстня-печати из горного хрусталя с арабской надписью «Помощь моя лишь у Аллаха, на него я полагаюсь и к нему обращаюсь», что дает основания допускать присутствие в городе мусульманских купцов.

Торговый узел

В конце VIII – начале IX века Ладога была важным транзитным пунктом на Волжско-Балтийском пути, через который проходили

основные потоки арабского серебра на Готланд и Бирку, откуда они распространялись по балтийскому побережью.

Там встречались товарные потоки – из Европы везли высокотехнологичную продукцию и товары «люкс», а навстречу транспортировали пушнину, мед, воск, лес и рабов. А жителям приладожских земель волей-неволей приходилось осваивать ремесла и учиться грамоте, поскольку скудная и малоплодородная почва в сочетании со скверным климатом не позволяла сделать ставку на земледелие. Зато в местных городах хорошо заготавливали мясо и, в особенности, рыбу – из тех же соображений экспорта.

Несмотря на то, что наш регион принято считать «зоной рискованного земледелия», заметную часть активного населения северо-западной Руси составляли свободные крестьяне-землевладельцы. Крепостное право получило распространение в этом регионе только после московского завоевания. Судя по местным письменным источникам – берестяным грамотам, – население Великого Новгорода, Старой Ладоги и других городов этого края в массе своей было грамотным, что совершенно нетипично не только для русских земель, но и для всей средневековой Европы. Большая часть этих документов написана кириллицей на славянском языке, а некоторые – скандинавскими рунами. Известны и финноязычные кириллические тексты, что лишний раз подчеркивает особое положение региона на политической карте континента.

Торговые пути по русским землям. Карта из работы К. В. Кудряшова «Русский исторический атлас» (М. - Л., 1928)

Великая «река» сквозь тысячелетия

Тысячу лет спустя ситуация, в общем-то, не изменилась – разве что цепкие лапы нефтепроводов стальными когтями вонзились в берега Финского залива, а грузовые терминалы и пирсы для контейнеровозов сдвинулись на северо-запад.

Едва ли не главным «российским» портом оказалась финская Котка, а роль великой реки, по которой в земли московитов доставляются технические чудеса Запада и Востока, стала играть автомобильная магистраль, с той лишь разницей, что вместо скандинавских драккаров по ней проносятся скандинавские грузовики. Сохранила свои позиции и индустрия продуктов питания.

Экономическая практика показала, что благополучие агломерации Петербурга и Ленинградской области заключается в развитии транзитной торговли, пищевой и легкой промышленности, туризма, наукоемких технологий и экспорта образовательных услуг.

Однако перекосы в структуре российской экономики привели к тому, что по состоянию на середину 1990-х годов около половины прямых иностранных инвестиций оседало в Москве. Петербургу, занимавшему второе место, доставалось всего около 7%.

Статистика утверждает, что наиболее инвестиционно емкими в нашем регионе были и остаются логистический сектор и пищевая промышленность.

Поневоле поверишь в выкладки тех экономистов, которые утверждают, что причины формирования промышленных кластеров следует искать не в постановлениях правительства и безрассудной трате денег, а в географии, демографии и экономической истории того или иного края.

Что же касается попыток поощрять нехарактерные для местного населения занятия, то их эффективность близка успешности исправления горбатых. Тот же Петр немало потратил денег на попытку построить в Петербурге систему каналов вроде той, которую он видел в Амстердаме, предназначенную для эффективной грузовой логистики.

С каналами вышло неладно, и тогда основатель Петербурга взялся за поощрение транспортных компаний. Шкипер первого же купеческого судна, заглянувшего в петербургскую гавань, получил царскую премию 500 червонцев; появилась и легенда о том, что государь сам выступал в качестве лоцмана на судах европейских гостей. И караваны потянулись в новый порт на востоке Балтики.

Дорога в небо

Экскурс в историю был необходим для того, чтобы осмыслить роль, которую должна играть в экономике региона его воздушная гавань.

На сегодняшний момент аэропорт «Пулково» является самым дорогим аэропортом России по стоимости обслуживания воздушных судов – в силу того факта, что у него нет конкурентов. И не будет – по крайней мере, на территории России, поскольку в концепции развития Пулково предусмотрен фактический запрет на появление других аэропортов в радиусе 200 км. Соответственно, на скорый приход к нам дешевых авиаперевозчиков можно не рассчитывать – для дискаунтера нужен аэропорт с другими тарифами.

Ближайший такой аэропорт находится в финской Лаппеенранте, власти которой проводят сознательную политику по привлечению авиакомпаний, основными пользователями услуг которых становятся жители Петербурга и Ленобласти. Пулково же ведет себя как классический монополист, что вполне объяснимо с точки зрения его коммерческих интересов.

Вопрос в том, в какой степени совпадают эти коммерческие интересы с интересами региона? Во всяком случае, появление в Ленинградской области нового аэропорта, предназначенного хотя бы для обслуживания грузов, не только сыграло бы важную роль в развитии логистического кластера, но и лежало бы в русле исторических традиций развития северо-западных российских территорий.

К содержанию

АРВИЙ КОРККА (ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Ингерманландские финны: от прошлого к будущему

Арвий Тойвович Коркка – председатель правления общественной организации «Региональная национально-культурная автономия ингерманландских финнов Ленинградской области».

На территории Ленинградской области проживают представители разных народов, как больших, так и малых.

Судьбы многих малых народов оказались непростыми, в их историях найдется немало трагических страниц.

На долю одного из таких народов, ингерманланских финнов, также выпало немало испытаний, однако этот народ сохранился и сегодня ищет новые способы возрождения своего культурного достояния.

О себе я говорю – лидер, один из лидеров ингерманландских финнов в Ленинградской области. Еще я – староста деревни Карвала.

Это самые реальные действия из всех тех действий и общественных инициатив, к которым я причастен. В деревне я представляю, можно сказать, власть. Ведь в маленькой деревне власти толком нет – нет ни полиции, ни администрации, никого нету. Но кто-то должен быть в обязательном порядке — ответственный человек, уважаемый, выбранный людьми человек. Это – староста. И это моя роль в деревне Карвала Ломоносовского района, на горе Кирхгоф, где Туутари-парк.

Я считаю свою работу исключительно нужной. Свежий пример: именно я понуждаю землевладельцев, которые имеют участки в деревне, косить борщевик. Вроде бы мелочь, а иначе – зарастем. Судя по тому, что меня продолжают выбирать, свою работу я делаю хорошо. Также я представляю Ломоносовский район в областном совете старост и выношу на обсуждение некоторые инициативы.

Что касается ингерманландского наследия, я начал заниматься этим вопросом в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда в Ленинградской области зародилось, назовем так, финское движение.

В Ленинграде и в области речь сразу пошла именно об ингерманландских финнах. Ингерманландские финны – кто они такие? Если не вдаваться слишком далеко в историю, они издавна проживали на территории Ленинградской области; это был достаточно большой народ, который сплачивал прочие народности, что жили в соседних деревнях и городах.

Не побоюсь этого слова, ингерманландцы были народом-объединителем, как и русский народ, конечно.

Повторюсь, на территории Ленинграда и Ленинградской области нашлось достаточно много людей, которые осознали необходимость как-то собрать местных финнов – многие ведь вернулись на родину, когда начались послабления в государственной политике и часть репрессий сталинских времен признали необоснованными.

После принятия соответствующих законов, в начале 1990-х годов, стали возникать общественные финские организации, в частности – «Инкерин Лиитто» («Inkerin Liitto»), «Ингерманландское общество». Еще было создано несколько локальных общественных организаций: «Инкерин Сеура» («Inkerin Seura») в Гатчине, «Инкерин Тупа» («Inkerin Tupa») в Тайцах.

Результат этого национального мини-возрождения был налицо: в 90-е годы на праздник Юханнус съезжалось по несколько тысяч человек.

Увы, с годами картина меняется к худшему: народ уменьшается числом, стареет, умирает, и одна из главных наших задач – попытаться сохранить народ и национальную память еще хотя бы на одно-два поколения.

Естественная убыль ингерманландцев связана с тем, что молодежь ассимилируется в других культурах и других народах. Женятся, выходят замуж за русских или за представителей иных национальностей, и это большая проблема для всех малых народов.

Ингерманландцы, если заглядывать в относительно недавнюю историю, пережили три волны ассимиляции — две положительных и одну крайне разрушительную.

Первая положительная ассимиляция – это миграция на территорию нынешней Ленинградской области молодых мужчин с севера Карелии и из восточной Финляндии. Эти мужчины заводили дома, женились на женщинах из местных, тем самым увеличивая численность народа.

Второе, крайне любопытное явление имело место в начале XVIII века. До Петра Великого, до начала войны со Швецией, здесь проживало примерно 30 тысяч финнов-ингерманландцев. Они были рассеяны по территории – по хуторам, по деревенькам. Воевали, напомню, двадцать лет, и тут оказалось полным-полно брошенных, солдатских детей. Их решили подселять в устойчивую группу финнов-ингерманландцев, так сказать, на прокорм. За свою жизнь – удивительная цифра – некоторые семьи до 50 приемных детей воспитывали! Ограничение со стороны государства было одно: не принуждать переходить в лютеранство. В итоге опять случился всплеск численности ингерманладцев, хотя бы по самоназванию.

А третья, отрицательная волна ассимиляции – это, конечно, репрессии. Из-за репрессий произошла принудительная русификация. Финны женились и выходили замуж за русских — не потому, что своих рядом не было, а потому что боялись преследований. Отказывались от фамилий, становились обрусевшими.

В итоге нынешние жители Вологодской, Ярославской областей, Якутии и Кузбасса, куда ссылали финнов, недоумевают – отчего у них фамилия, скажем, «Лапполайнен». Выясняется,

что их бабушки и дедушки были сосланы. У современных людей крови финской от силы четверть, может быть. Это очень большая проблема и очень тонкая – как определять национальность.

Итак, часть здешних финнов была репрессирована, их потомки себя уже финнами не считают.

Двадцать тысяч человек уехали в Финляндию. Лично я склоняюсь к мысли, что это была экономическая эмиграция. Люди уезжали за более сытой судьбой, за более сытой старостью. Но не факт, кстати, что эта старость была эмоционально благополучной. Потому что финский менталитет финляндских

финнов – совсем другой, чем у финнов российских. Если здесь ты пошел в деревню к соседу, выпил чарочку, закусил, выпил чаю, поговорил, то там это не практикуется. Поэтому утверждать, что уехавшие возрадовались тамошней жизнью этой, я бы поостерегся.

К слову, мы планируем провести конференцию, с участием социологов-практиков, на тему «Жизнь в Финляндии ингерманландских финнов». Мне самому любопытно, как они себя оценивают. Думаю, найдется немалое число тех, кто живет в депрессии.

После насильственных переселений и экономической эмиграции в Ленинградской области осталось не более пяти тысяч финнов.

Есть статистика областного Комитета по социальной защите – я вхожу в комиссию по восстановлению прав жертв политических репрессий при этом комитете: сегодня в области официально примерно 3200 человек признаны жертвами политических репрессий. А каждый год умирает по 500 человек, в среднем, и из них большинство составляют финны – пожилые финны.

Вот и получается, что коренных ингерманландских финнов осталось, в лучшем случае, три тысячи человек. Через пять-семь, максимум десять лет, не останется почти никого. И сразу встает вопрос – а кто такой финн-ингерманландец сегодня?

Честно сказать, я боюсь к этой проблеме подступаться.

Дети уехавших и переселенных, конечно, себя никем не считают, пока не повзрослеют. Как родители скажут, так они и будут думать. На Юханнус, который в этом году проводился в Сиверской, приезжала семья из Тольятти – отец по-фински говорит и по внешности видно, что из финнов, и двое детей, восемнадцатилетний сын и девочка лет тринадцати. Так вот, эти дети отца видят финном, благо он говорит по-фински, что-то помнит, с кем-то общается, а сами они как бы стоят чуток в отдалении и размышляют – а мы-то кто?

Подобные встречи крайне интересны. Потому что в определенном возрасте, когда человек уже в разум входит, надо помочь ему определиться, чтобы он принял решение. Это можно сделать на каких-то общих мероприятиях, типа того же Юханнуса. Второй способ – это языковая практика. Но требуется, чтобы ребенок видел и осознавал

перспективу использования малого языка, а не просто зубрил его потому, что это язык предков. И третье – популяризация малой культуры, эпоса «Калевала», прочих национальных традиций.

На днях по телевизору показали Якутию, где проводился во второй раз мировой праздник эпоса. Думаю, что на следующий раз мы постараемся туда «вписаться».

Мы выйдем туда с «Калевалой», будем петь ее на финском и русском языках, проговаривать и устроим что-то вроде театрализованного представления. На сегодняшний день этого может быть достаточно для привлечения внимания.

Нам не хватает эпоса, героев, художников, народных творцов. У нас есть ряд художников, кто-то пытается писать детские сказки. Но человека-творца, нынешнего олицетворения нашего народа, пока нет, и приходится опираться на старину.

Делить «Калевалу» с «официальными» финнами мы не будем, это же народное творчество. В давние времена эти песни пели кто как мог. А потом пришел Лённрот, собрал песни, переделал, и получился свод, но свои, локальные версии у каждого народа сохранились.

Во взаимодействии с государством, с правительством Ленинградской области, с муниципальными властями очень много зависит от лидеров, от тех, кто возглавляет общественные организации.

Например, в Гатчине сегодня действует «Центр культуры ингерманландских финнов», но они сосредоточены больше на песенном творчестве. А мы хотим, скажем, в Малых Колпанах, где кирха, еще при Павле построенная, с петушком на шпиле, сделать духовно-культурный центр или даже музей ингерманландских финнов.

В правительстве области мы давно и полезно дружим с Комитетом по социальной защите населения. А еще – с Комитетом по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям, Сам я, помимо прочего, вхожу в комиссию по национальным вопросам при губернаторе Ленинградской области. Все это позволяет нам выступать на разных уровнях. Не стану скрывать, пока наши предложения принимаются, наверное, в 50 процентах случаев, и это даже очень неплохо! Если мы сами не профукаем все, что можно, то наши нормальные, деловые отношения с региональными властями, надеюсь, сохранятся.

Есть идея, которая, как мне кажется, должна привлечь внимание. Хочется организовать выездной семинар по маршруту Санкт-Петербург – Беломорканал – Соловки. С остановками, конечно. Пока еще остались те, кто там жил или работал, их можно было бы туда вывезти. Я чувствую, что мы дозрели до этой эмоциональной точки.

Если рассматривать взаимодействие нашей организации с подобными ей по Северо-Западу

в целом, то надо сказать, что в ряде регионов – Коми, Мурманская область, Карелия, Архангельская область – существует финно-угорское движение. Именно финно-угорское.

Мы не стараемся отстаивать сугубо однозначную финскую линию – мол, сплачивайтесь только под нашими знаменами. Во-первых, нам ни к чему конфронтация с финно-угорским движением. Во-вторых, во всех регионах наблюдается то подъем, то спад этнокультурной активности, и в периоды спада особого сотрудничества, конечно, нет, совместной работы нет. А вот когда подъем, мы стараемся друг к другу ездить, опытом обмениваться, но больших совместных проектов нет – пока нет. Каждый пока варится в собственном соку.

Кстати, если вернуться к идее семинара по Беломорканалу, этот канал в значительной степени проходит по Карелии. Следовательно, точки соприкосновения интересов вроде бы намечаются.

Или возьмем, скажем, Вологодскую область. В Кадуйский и Бабаевский районы этой области в 1935–1936 годах были высланы по 460 семей. Мы три года назад вместе с пробстом Павлом Крыловым (пробст – это старший пастор, скажем так) съездили туда, побывали в местных краеведческих музеях, пробст на кладбище провел отпевание для всех, кто умер в чужих краях, вдали от родины. Это было трогательно, символично и полезно для сотрудничества регионов.

Чего хочется в ближайшие годы? Больше всего хочется создать энциклопедию жизни и быта ингерманландских финнов. Такую толстенную книгу, как Библия, что в семьях из поколения в поколение передавалась, этакий фолиант. Там должны быть краткие статьи и фотографии. Мы сейчас обсуждаем этот вопрос с Институтом истории РАН, готовимся концепцию писать. Еще хочется провести социологическое обследование нашего народа. Мы приблизительно что-то знаем, что-то наблюдаем, но социологии нет. Будем надеяться, что через несколько лет это будет сделано, хотя бы частично.

К содержанию